
ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1873

КНИЖКА ВТОРАЯ

ФЕВРАЛЬ

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКА ВТОРАЯ — ФЕВРАЛЬ 1873.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

(см. на оборотъ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

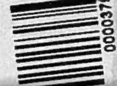
МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1873

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ФЕВРАЛЬ

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1873.

ГОДИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

19-го февраля 1873 года Юридическое Общество подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена В. Н. Лешкова, въ составѣ 23 дѣйствительныхъ членовъ, на основаніи § 16 устава, утвержденнаго г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 16 октября 1871 года, открыло годичное засѣданіе. В. Н. Лешковъ прежде всего прочелъ написанную имъ къ сему дню статью «О субъектахъ и объектахъ права», вызвавшую по прочтеніи полное сочувствіе всѣхъ членовъ Общества. Затѣмъ секретаремъ Общества А. М. Фальковскимъ прочитанъ былъ за истекшій годъ отчетъ о составѣ, средствахъ и дѣятельности Общества, который и утвержденъ Обществомъ. Послѣ того на основаніи 7 и 8 §§ уст. было приступлено къ избранію должностныхъ лицъ изъ числа дѣйствительныхъ членовъ Общества, причемъ избраны: предсѣдателемъ Общества почетный членъ В. Н. Лешковъ, товарищемъ предсѣдателя И. М. Остроглазовъ, секретаремъ А. М. Фальковскій, кандидатомъ на должность секретаря В. И. Кохновъ, казначеемъ М. Я. Шиллингъ и кандидатомъ на должность казначея А. Ф. Марконетъ.

Вслѣдствіе предложенія, сдѣланнаго г. предсѣдателемъ и тремя дѣйствительными членами, объ избраніи въ почетные члены Общества: 1) члена Государственнаго Совѣта и

доктора гражданскаго права К. П. Побѣдоносцева; 2) сенатора и доктора правъ Н. В. Калачева; 3) заслуженнаго профессора, доктора правъ и перваго предсѣдателя Общества С. И. Баршева; 4) заслуженнаго профессора и доктора гражданскаго права И. Д. Бѣляева, какъ извѣстныхъ России учеными заслугами оказанными отечественному праву и 5) товарища предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда, дѣйствительнаго члена Общества и бывшаго секретаремъ его Э. Н. Сумбула, оказавшаго особыя заслуги Обществу, въ періодъ его образованія и сложенія, своими юридическими трудами, Общество согласно 4, 5 и 8 §§ устава приступило къ баллотировкѣ означенныхъ лицъ. Э. Н. Сумбулъ заявилъ о желаніи своемъ не быть баллотированнымъ въ почетные члены, объясняя, что онъ не считаетъ себя вправѣ воспользоваться условіями, предусмотрѣнными 4 § устава. Вслѣдствіе сего Общество постановило: возбужденный Э. Н. Сумбуломъ вопросъ подвергнуть баллотировкѣ. — Большинствомъ рѣшено Э. Н. Самбула баллотировать въ почетные члены Общества. Засимъ всѣ означенныя лица, по исполненіи установленнаго § 5 устава способа, избраны были въ почетные члены Общества.

Вслѣдствіе предложенія г. предсѣдателя Общества о томъ, не слѣдуетъ ли положенный § 11 устава размѣръ членскаго взноса уменьшить до 10 руб., присвоивъ этому постановленію обратную силу, Общество, разрѣшивъ этотъ вопросъ утвердительно, опредѣлило: объ измѣненіи въ этомъ смыслѣ § 11 устава, согласно § 22, представить на утвержденіе Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Усмотрѣвъ затѣмъ изъ выслушаннаго отчета о желаніи поименованныхъ въ немъ библіотекъ получать безплатно „Юридическій Вѣстникъ", Общество постановило: удовлетворить этимъ заявленіямъ.

По выслушаніи доклада А. Ф. Марконета о правилахъ для пользованія книгами и журналами, принадлежащими Обществу, опредѣлено: правила тѣ утвердить и напечатать къ свѣдѣнію и руководству для гг. членовъ Общества. По обсужденіи засимъ заявленія В. Н. Лешкова о мѣрахъ, какія слѣдовало бы при-

нять къ устраненію съ одной стороны несвоевременности выхода книжекъ журнала, а съ другой къ увеличенію средствъ для изданія журнала, и по выслушаніи объясненій соредактора А. М. Фальковскаго, — Общество постановило: нынѣ существующій порядокъ для редакціи журнала оставить въ силѣ, предоставя гг. редакторамъ въ дѣлѣ ускоренія и улучшенія изданія «Юридическаго Вѣстника» дѣйствовать по своему усмотрѣнію, такъ какъ только при самостоятельности редакціи возможно достигнуть изложенной цѣли.

ОТЧЕТЪ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА за 1872 годъ.

(Читанный секретаремъ Общества А. М. Фальковскимъ въ годичномъ засѣданіи 19-го февраля 1873 года).

„Мм. Гг!

Въ годичномъ засѣданіи 21 февраля 1872 года, на основаніи 7 и 8 §§ Устава, утвержденнаго 16 октября 1871 года г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Обществомъ избраны были: предсѣдателемъ В. Н. Лешковъ, товарищемъ предсѣдателя И. М. Остроглазовъ, секретаремъ А. М. Фальковскій, кандидатомъ на должность секретаря В. И. Кохновъ, казначеемъ М. Я. Шиллингъ и кандидатомъ на должность казначея А. Ф. Маркonетъ.

Съ 17 февраля 1872 года, на основаніи 6 § того же Устава, поступили въ дѣйствительные члены: 1) 23 февраля: кандидатъ правъ Митрофанъ Николаевичъ Розановъ, 2) предсѣдатель Шуйскаго съѣзда мировыхъ судей Петръ Петровичъ Волковъ, 3) 27 марта: кандидатъ правъ Александръ Андреевичъ Котляревъ, 4) помощникъ присяжнаго повѣреннаго Владиміръ Алексѣевичъ Андреевъ, 5) мировой судья Θедоръ Осиповичъ Свѣшниковъ, 6) 3 апрѣля: присяжный повѣренный Николай Сосипатровичъ Богдановъ, 7) судебный слѣдователь Алексѣй Павловичъ Муликовскій, 8) надворный совѣтникъ Алексѣй Васильевичъ Трейтеръ, 9) помощникъ

присяжнаго повѣреннаго Владиміръ Степановичъ Зотовъ, 10) 25 сентября: кандидатъ правъ Левъ Григорьевичъ Харитоновъ, 11) кандидатъ правъ Анатолій Соломоновичъ Шайкевичъ, 12) кандидатъ правъ Евлампій Сергѣевичъ Котляревъ, 13) 2 октября: товарищъ прокурора Московскаго окружнаго суда Николай Николаевичъ Сабуровъ, 14) 9 октября: мировой судья Иванъ Сергѣевичъ Дурново, 15) товарищъ прокурора Московской судебной палаты Александръ Николаевичъ Поповъ, 16) товарищъ прокурора Смоленскаго окружнаго суда Тютчевъ, 17) 16 октября: товарищъ прокурора (въ Аккерманѣ, Бессарабской Области) Александръ Александровичъ Суховъ, 18) 7 ноября: помощникъ присяжнаго повѣреннаго Аркадій Ивановичъ Геннертъ, 19) помощникъ присяжнаго повѣреннаго Николай Матвѣевичъ Думашевъ, 20) присяжный повѣренный Василій Николаевичъ Даниловъ, 21) 4 декабря: кандидатъ правъ Михаилъ Петровичъ Глѣбовъ, 22) 15 января 1873 года: кандидатъ правъ Михаилъ Петровичъ Отрадинскій, 23) 22 января: профессоръ уголовнаго права Одесскаго университета Александръ Михайловичъ Богдановскій, 24) Судебный приставъ Иванъ Павловичъ Ѳеоктистовъ, 25) 5 февраля: кандидатъ правъ Андрей Евдокимовичъ Носъ, 26) кандидатъ правъ Михаилъ Петровичъ Соловьевъ.

Всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ Общества состоитъ 240. членовъ-соревнователей 16 и членовъ корреспондентовъ 11, Въ званіи почетнаго члена предсѣдатель Общества В. Н. Лешковъ.

Изданіе журнала Общества „Юридическій Вѣстникъ" продолжалось въ 1872 году подъ редакціею В. Н. Лешкова и А. М. Фальковскаго, при участіи В. И. Кохнова, въ качествѣ постояннаго сотрудника, утвержденнаго въ этомъ званіи Обществомъ.

Съ 1 января 1873 года, съ цѣлью облегченія трудовъ редакціи и въ интересахъ разносторонности и большей законченности рубрикъ журнала, приняли на себя постояное завѣдываніе отдѣльными частями журнала:

1) И. М. Остроглазовъ—отдѣломъ вообще уголовнаго права.

2) Н. П. Ляпидевскій—отдѣломъ гражданскаго права.

3) А. Н. Поповъ—обозрѣніемъ судебной практики уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

4) Л. Ф. Снегиревъ и А. М. Хоткевичъ обозрѣніемъ судебной практики гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената и

5) В. И. Кохновъ — ежемѣсячнымъ обозрѣніемъ текущихъ явленій въ сферѣ юридической жизни.

По настоящее время за 1872 годъ вышло девять книжекъ журнала. Остальныя три, съ разрѣшенія Общества, соединенныя въ одну—въ печати. Книжка январская 1873 года вышла и имѣетъ быть разослана гг. подписчикамъ.

Медленность въ выходѣ журнала въ 1873 году прежде всего произошла отъ запоздавшей декабрьской книжки 1871 года по случаю напечатанія въ ней обширнаго процесса Корбе. Затѣмъ, по поводу значительнаго числа отдѣльныхъ, для авторовъ, оттисковъ, требующихъ предварительнаго разрѣшенія цензуры и наконецъ отъ многихъ другихъ причинъ, независѣвшихъ отъ редакціи, своевременный выходъ журнала былъ дѣломъ невозможнымъ, если къ тому еще присоединить и недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ, бывшихъ въ распоряженіи редакціи. Все это было предметомъ обсужденія Общества, въ засѣданіи 21 декабря 1872 года, которое, по выслушаніи объясненій гг. редакторовъ, нашло ихъ уважительными и заявило свое полнѣйшее довѣріе къ редакціи и на будущее время.

Состояніе денежной кассы въ непосредственномъ распоряженіи редакціи находящейся:

Оставалось отъ 17 февралл 1872 года:

Наличными	15 р.	44 к.	
Къ тому поступило по 17 февраля 1873 года:			
Отъ казначея Общества	550	»	
Отъ коммисіонеровъ Общ. Анисимова.	145	»	76 »
Отъ коммисіонеровъ Общ. Соловьева.	174	»	50 »
Отъ подписчиковъ въ редакціи	1033	»	» »

Отъ разныхъ лицъ за экземпляры прежняго изданія журнала и за оттиски статей	204 р.	— к.
Отъ редактора заимообразно	164 »	85 »
Всего съ остаточными	2287 р.	55 к.

Изъ нихъ израсходовано по 17 февраля 1873 года:

а) За напечатаніе разныхъ объявленій	59 р.	88 к.
б) За переписку статей	10 »	— »
в) За стенографическіе отчеты	14 »	— »
г) Корректору и постоянному сотруднику по редакціи	495 »	50 »
д) Корректору книжки за августъ и сентябрь	40 »	— »
е) Переплетчику по счетамъ	41 »	60 »
ж) За почтовыя объявленія	9 »	— »
з) Наборщикамъ типографіи	18 »	— »
и) Въ контору типографіи Каткова и К° по счетамъ	1599 »	57 »
Итого	2287 р.	55 к.

Примѣчаніе. Отъ гг. коммисіонеровъ редакціи по открытой у нихъ подпискѣ на 1873 годъ еще расчета не послѣдовало.

Состояніе кассы Юридическаго Общества:

Оставалось отъ 17 февраля 1872 года:

Наличными	166 р.	65 к.
5% билетами	1100 »	— »

Къ тому поступило по 17 февраля 1873 года:

Членскихъ взносовъ и за дипломы	494 »	75 »
Пожертвовано Членами Общества на разные предметы	253 »	— »
По купонамъ 5% билетовъ	82 »	50 »
Всего съ остаточными	996 р.	90 к.

Изъ нихъ израсходовано по 17 февраля 1873 года:

а) Передано въ редакцію Юридическаго Вѣстника........................	550 р. — к.
б) За храненіе 5% билетовъ въ Банкѣ........................	1 » 90 »
в) На припечатаніе объявленій.......	15 » 28 »
г) На жалованіе и награды письмоводителю и сторожамъ...................	264 » — »
д) На канцелярскіе матеріалы и хозяйство........................	21 » 40 »
е) На разноску журнала.............	20 » — »
ж) Выдано неимущимъ студентамъ.....	75 » — »
Итого......	947 р. 58 к.

Затѣмъ въ остаткѣ къ 17 февраля 1873 года:

Наличными........................	49 р. 32 к.
5% билетами.....................	1100 » — »

Библіотека Общества, находящаяся въ завѣдываніи дѣйствительнаго члена А. Ф. Марконета, увеличилась поступленіемъ разныхъ повременныхъ изданій въ обмѣнъ «Юридическаго Вѣстника»; отъ К. П. Побѣдоносцева «Курса Гражданскаго Права»; отъ г. Якубова «Сборника рѣшеній главнаго военнаго суда за 1867—1871 года», и отъ многихъ другихъ лицъ и учрежденій, которыхъ Общество постановило благодарить.

Юридическое Общество, вслѣдствіе сообщенія Совѣта Императорскаго Московскаго Университета, отъ 17 октября 1872 года, о желаніи Парижской Академіи Наукъ получать періодическія изданія ученаго содержанія, постановило: одинъ экземпляръ «Юридическаго Вѣстника» отсылать въ Академію. Затѣмъ русская библіотека въ Цюрихѣ и Попечительный Комитетъ Вятской Публичной Библіотеки и Временная Коммисія по устройству Виленской Публичной Библіотеки просятъ о безплатной высылкѣ журнала Общества.

Засѣданія Общества въ теченіи 1872 года были, по примѣру предшествовавшаго года, по понедѣльникамъ.

Дѣятельность Общества достаточно Вамъ извѣстна изъ органа его «Юридическій Вѣстникъ». Остается только пожелать, чтобы и на будущее время Общество осталось вѣрнымъ идеѣ, что до знанія положительнаго законодательства возможно достигнуть не иначе какъ возвысившись до самой сущности предмета, до принциповъ, изъ которыхъ исходятъ положительные законы и что въ наше время русскіе юристы для дальнѣйшаго развитія отечественнаго законодательства могутъ самостоятельно относиться ко всѣмъ вопросамъ права, оставаясь прежде всего вѣрными требованіямъ русской жизни и государству.

ПРАВИЛА БИБЛІОТЕКИ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1. Книги принадлежащія библіотекѣ отпускаются на домъ для прочтенія только членамъ Общества и безъ всякой за то платы.

§ 2. Полное Собраніе Законовъ и Сводъ Законовъ на домъ не отпускаются.

§ 3. Одному лицу отпускается заразъ не болѣе одного сочиненія.

§ 4. Удерживаться на дому книги могутъ не болѣе одного мѣсяца, а журналы не болѣе двухъ недѣль.

§ 5. Библіотечныя книги должны возвращаться въ библіотеку въ томъ видѣ, въ какомъ были взяты.

§ 6. Книги выдаются по предъявленію членскаго билета и записываются въ особую книгу.

§ 7. Кромѣ лица, коему ввѣрена библіотека, никто не можетъ, безъ вѣдома его, брать книги для себя или для выдачи другому.

§ 8. Вслучаѣ утраты взятой книги взявшій обязанъ доставить другой экземпляръ книги, или стоимость послѣдней.

§ 9. Вслучаѣ невозвращенія въ срокъ означенный въ 4 § взявшій книгу за каждый просроченный день платить 5 коп. въ пользу библіотеки.

О НЕДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ БРАКА

И РАЗВОДѢ

ПО ЗАКОНАМЪ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

II.

Важныя перемѣны въ законодательство касательно брачнаго союза внесло христіанство. Великій переворотъ, совершенный христіанствомъ въ исторіи человѣчества, произошелъ вслѣдствіе новаго, христіанскаго воззрѣнія на человѣка. Личность человѣческая получила значеніе сама по себѣ, независимо отъ своего внѣшняго политическаго и соціальнаго положенія. Рѣзкія границы между свободой и рабствомъ, гражданами и чужестранцами, полноправіемъ и безправіемъ не существовали въ Божьемъ царствѣ духа, членами котораго, сынами Божіими, братьями о Господѣ, могли быть безразлично всѣ, очистившіе свою душу. Сознавая Бога общимъ отцемъ, христіане должны были смотрѣть на себя какъ на равныхъ по духу. Историческія подраздѣленія общества не могли имѣть для нихъ значенія, какъ преходящія внѣшнія. Христіанство не отрицало ихъ, но удалялось отъ нихъ, какъ отъ чуждаго ему элемента. Цѣль христіанской жизни была въ возможномъ приближеніи къ обѣтованному царству Божію, въ очищеніи и усовершеніи внутренняго человѣка, тогда какъ въ древнемъ мірѣ цѣль человѣческой жизни всегда была внѣ человѣка, въ служеніи государству и племени. Христіанство видитъ въ человѣкѣ прав-

ственное существо и стремится обновить и очистить его. Для христіанства важно нравственное начало, и человѣческія учрежденія, среди которыхъ возникало новое ученіе, для него важны лишь настолько, насколько имъ присуще нравственное начало. Оттого христіанство не протестовало противъ общественнаго строя древняго міра: оно хотѣло лишь одушевить его своими идеями.

Цѣль брачнаго союза античный міръ полагалъ въ рожденіи дѣтей, въ поддержаніи рода, въ усиленіи государства. Не касаясь формъ брака, христіанство видитъ въ немъ союзъ для иныхъ цѣлей. Когда ап. Павелъ говоритъ: «мужья должны любить своихъ женъ, какъ свои тѣла; любящій свою жену любитъ самого себя» (Ефес. 5, 28); „ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа—въ Господѣ" (II Коринѳ. 11, 12); когда Господь освящаетъ своимъ присутствіемъ и чудомъ бракъ въ Канѣ галилейской, тогда бракъ впервые обрѣтаетъ свое истинное, высшее значеніе, ибо сущностью брака и возникающей изъ него семейной жизни оказывается любовь, создающая полное единеніе жизни обоихъ супруговъ, сливающая ихъ въ одну личность для достиженія цѣли христіанской жизни. Такой идеальной полноты юридическій бракъ римлянъ не имѣлъ въ виду.

Противорѣчіе между древнимъ и христіанскимъ міросозерцаніемъ было однако слишкомъ сильно, чтобы новое ученіе могло безъ борьбы укрѣпиться въ человѣчествѣ. Видя глубокій нравственный упадокъ римскаго и еврейскаго міра, христіанинъ научился презирать міръ, удаляться отъ него, смотрѣть на все мірское, какъ на грѣховное. Климентъ Александрійскій, Лактанцій и Тертуліанъ проповѣдуютъ безусловное отреченіе отъ свѣта и внѣшности. Tota vita boni Christiani sanctum desiderium est, пишетъ Августинъ (cp ad. Ioh. c. 4); „поклоняемый отъ ангеловъ на небесахъ, требуетъ ангеловъ на землѣ". (Іеронимъ); „только тотъ совершенъ, кто духовно и тѣлесно отрѣшился отъ міра" (Август.). Согласно съ этими воззрѣніями самый бракъ, какъ заключающій въ себѣ чувственный элементъ, получаетъ въ глазахъ Юстина Мученика и Тертуліана отчасти грѣховный, несо-

гласный съ чистотой нравственности характеръ. Гностики совершенно отвергаютъ его. Библейская заповѣдь: „ростите и множитесь“ получаетъ свое оправданіе только въ отношеніи къ ветхозавѣтному времени и Августинъ пишетъ длинное оправданіе древнихъ патріарховъ, которые жили въ многобрачіи non concupiscentia percipiendae voluptatis sed providentia propagandae successionis. Другіе отцы церкви, не отрицая брака, смотрятъ на него какъ на слѣдствіе неопреодолимой человѣческой слабости, какъ на уступку въ пользу чувственности и отдаютъ предпочтеніе безбрачію. „Безбрачіе—подражаніе ангеламъ“ (Іоаннъ Дам.). „Отшельникъ помышляетъ лишь о божественномъ“ (Θеодоритъ). „Блаженна дѣва, въ сердцѣ которой нѣтъ иной любви, кромѣ любви ко Христу“ (Іеронимъ). Уже въ посланіяхъ ап. Павла къ коринѳянамъ восхваляется безбрачіе. Бракъ—проявленіе грѣховной природы человѣка; если онъ терпится, то лишь какъ неизбѣжное средство для поддержанія человѣческаго рода. Concubitus conjugalis generandi gratia non habet culpam (Августинъ). Connubia legitima carent quidem peccato, nec tamen tempore illo quo conjugales actus geruntur praesentia sancti spiritus dabitur (Оригенъ).—Еще строже отнеслась церковь къ второму и послѣдующимъ бракамъ. Второй бракъ объявляется speciosum adulterium, honesta fornicatio. «Вторичный бракъ непозволителенъ по лжи, третій указываетъ на невоздержность, послѣ же третьяго брака очевиденъ блудъ (пост. апост. 111, 2). „Такіе браки извергаютъ людей изъ царствія Божія,“ учитъ Оригенъ. Осуждая чувственность въ бракѣ, западная церковь не придала большаго значенія чувству любви соединяющей супруговъ, и освящающее начало брака видитъ единственно въ символѣ союза Христа съ церковью; но такъ какъ символъ уступаетъ въ значеніи своему прообразу, то въ случаѣ дѣйствительнаго соединенія съ Христомъ одного изъ супруговъ (вступленіе въ иночество) бракъ прекращается. Вслѣдствіе важности символизма получаетъ значеніе духовное родство какъ препятствіе къ браку неизвѣстное римскому праву.

Признавая бракъ вообще слѣдствіемъ грѣховной природы

человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ средствомъ продолженія человѣческаго рода, церковь видѣла необходимость для вѣчнаго спасенія души въ особенной милости Божіей къ каждому вступающему въ бракъ, въ благодати нисходящей на брачущихся при посредствѣ церкви. Вслѣдствіе необходимости Божіей благодати бракъ организуется какъ таинство. Въ западной церкви ученіе о таинствѣ брака развилось и установилось окончательно въ средніе вѣка. Хотя уже Тертуліанъ сопоставляетъ бракъ съ крещеніемъ, причащеніемъ и миропомазаніемъ какъ равносильное таинство, Августинъ *) причисляетъ бракъ также къ принятому въ то время числу четырехъ таинствъ, а послѣ него Кассіодоръ, Беда Достопочтенный, Петръ Даміани, Отто Бамбергскій и др. разработывали бракоученіе въ томъ же духѣ,—были однако богословы утверждавшіе, что Августинъ и единомысленные съ нимъ отцы церкви смотрѣли на бракъ какъ на res sacra вслѣдствіе символическаго сходства его съ союзомъ Христа и церкви, но не причисляли его къ тѣмъ средствамъ коими пріобрѣтается сверхъестественная благодать. Такихъ мнѣній держался знаменитый magister sententiarum Петръ Ломбардскій, непризнававшій брака орудіемъ благодати и потому отрицавшій его таинственное значеніе, но допускавшій бракъ единственно какъ средство укрощенія плоти. Мнѣніе его встрѣтило отпоръ со стороны Ѳомы Аквинскаго, ученіе котораго было окончательно признано римской церковью и закрѣплено постановленіемъ Тридентскаго собора.

Однако догматъ таинства брака и логическій выводъ изъ него—нерасторжимость брака долгое время не былъ признанъ повсемѣстно въ церкви. Какъ въ западной имперіи, такъ и въ восточной упорно сохранявшей преданія и установленія римскаго права, римское законодательство о бракѣ существовало рядомъ съ развивающимся церковнымъ ученіемъ **). Вліяніе христіанства на римское право вообще и

*) Ср. Walter, Lehrbuch des Kirchenrechts, § 295.

**) На востокѣ церковное благословеніе брака было признано необходимымъ для законности союза въ гражданскомъ отношеніи лишь въ IX вѣкѣ. См. Walter § 295.

на опредѣленія его относительно брака въ особенности, было крайне незначительно *). Вліяніе церкви на гражданское законодательство впервые укрѣпилось между новообращенными нѣмцами и славянами. Ученіе de secundis nuptiis, въ особенности приписываемое христіанству, въ самомъ дѣлѣ развилось изъ древнеримскаго права, изъ annus lactus и называется въ кодексѣ jus novissimum, вѣроятно, лишь потому, что изъ непринудительнаго обычая (uxores viri lugere non compellentur, Paulus in fragm. D. III, 2) обратилось силою декрета въ законъ. Въ самой церкви бракъ признавался расторжимымъ. Первыя постановленія, признанныя въ настоящее время апокрифами, воспрещаютъ браки съ разлученными, не касаясь самаго права развода. Запрещеніе отсылать женъ подъ предлогомъ религіи относится къ епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ и имѣло въ виду не разводъ, но распространенное тогда ученіе нѣкоторыхъ крайнихъ сектъ, отрицавшихъ бракъ. Міряninъ, разведшійся съ супругой и вступавшій во вторичный бракъ, подвергался отлученію, но это отлученіе не было безусловно—оно налагалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда разводъ не имѣлъ причинъ, разумныхъ основаній или законныхъ поводовъ, и запрещеніе вступать въ бракъ съ разведенной относится именно къ тѣмъ женщинамъ, которыя разлучились съ супругами безъ законныхъ основаній **).

Соборы Анкирскій, Арелятскій, Гренадскій предписываютъ разводъ въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности однимъ изъ супруговъ; два послѣдніе собора совѣтуютъ впрочемъ невинному супругу воздерживаться отъ вторичнаго брака. Папа Евтихіанъ (280 г.) учитъ, что язычникъ, обращаясь въ христіанство, можетъ оставаться въ бракѣ съ некрещенной женой или же развестись съ ней, и то же право предоставляется женѣ его. Соборъ ad Vermeriam (752 или 753 г.) постановилъ: мужъ, удалившій отъ себя жену за покушеніе

*) См. Unger. Die Ehe, стр. 68, 99. Walter, § 195. Tissot, Le mariage et le divorce. Paris, 1869 г., стр. 86—100.

**) Tissot, 112, 113.

на его жизнь, можетъ жениться на другой; то же самое право дается тому супругу, жена котораго отказывается слѣдовать за нимъ въ мѣсто, куда его призываетъ обязанность, si abstinere non potest aliam uxorem cum poenitentia accipere potest; такимъ же правомъ пользуется, и безъ эпитеміи, тотъ супругъ, жена котораго находилась въ плотской связи съ ея тестемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ невинному супругу предлагается предпочесть воздержаніе, виновная же сторона подвергается эпитеміи и лишается права вступать въ бракъ. Три года спустя Компьенскій соборъ постановилъ, что проказа составляетъ законную причину развода и здоровый супругъ уполномочивается къ вступленію въ новый бракъ. Папа Григорій III пишетъ къ Бонифацію (Decr. II, 32, 9, 7): posse maritum uxorem legitime sibi conjunctam dimittere et aliam ducere si propter morbum aliquem propria uxor debitum conjugale ei reddere non valeat; ille qui non potest se continere nubat magis. Такимъ образомъ до VIII вѣка каноническое право не выработало опредѣленныхъ законоположеній о разводѣ. Даже въ XII вѣкѣ авторитеты западной церкви допускали разводъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Восточная церковь всегда признавала возможность расторженія брака въ опредѣленныхъ случаяхъ. Мы уже замѣтили, что преданія греко-римскаго міра были живучѣе на востокѣ нежели на западѣ, гдѣ римская цивилизація, внѣ духовной среды, пала подъ ударами варваровъ и гдѣ поэтому представлялся большій просторъ исключительному развитію церковнаго законодательства; вслѣдствіе чего на западѣ—вытекающія изъ церковнаго воззрѣнія на бракъ, съ одной стороны, нерасторжимость брака, съ другой — безбрачіе духовенства приняли ту рѣшительную форму, которая осталась чуждою восточной церкви. Въ первобытной церкви безбрачію хотя и отдавалось преимущество, но на него указывали какъ на идеалъ христіанской чистоты, предоставляя каждому на волю осуществлять его по мѣрѣ своихъ силъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ безбрачіе становится для духовенства обязательнымъ. Священникъ, вступившій въ духовное единеніе съ Христомъ и церковью, не долженъ заключать никакого низшаго, мірскаго,

чувственнаго союза. Введеніе безбрачія духовенства осуществилось лишь послѣ долгой и продолжительной борьбы. Папская власть стремилась къ безбрачію духовенства, побуждаемая логической необходимостью, о которой было говорено выше, и кромѣ того, тѣмъ, что для ея мірскихъ цѣлей ей было необходимо поставить духовенство въ независимое отношеніе къ свѣтской власти и тѣмъ связямъ, которыя привязываютъ человѣка къ почвѣ; а съ другой стороны, необходимымъ казалось охранить отъ раздробленія переходомъ по наслѣдству имущества, состоявшія во владѣніи духовенства и признаваемыя папами собственностію престола св. Петра *). Это стѣснительное постановленіе встрѣчало постоянный фактическій протестъ. Подъ видомъ сестеръ и матерей, духовенство держало конкубинъ, нерѣдко же обвинялось и въ кровосмѣшеніи. Разлучаясь по требованію епископовъ съ супругами, священники немедленно вступали въ бракъ съ другой женщиной. Цѣлыя епархіи отказывались отъ безбрачія. Въ Миланѣ и Нормандіи съ VIII до XII вѣка духовенство, высшее и нисшее, вступало въ бракъ. Въ 1032 году Руанскій архіепископъ вступилъ публично въ бракъ и прижилъ троихъ дѣтей. Въ 1079 году Парижскій соборъ объявилъ еретическимъ мнѣніе, воспрещающее духовенству бракъ. Тамъ, гдѣ высшее духовенство вооружалось противъ такого обычая, возникалъ страшный развратъ между нисшимъ духовенствомъ, возникала общность женъ съ разрѣшенія самаго архіепископа: promiscuos mulierum concubitus annuit **). Нелучше соблюдался обѣтъ воздержанія и въ монастыряхъ, давшихъ содержаніе сочиненію Даміани Liber Gomorrhianus и поводъ къ постановленію Парижскаго и Турскаго соборовъ (1212): ne bini, vel binae in lectu jaceant propter metum incontinentiae. Такъ мститъ гражданскому обществу

---

*) Ampla praedia, ampla patrimonia et quaecumque bona possunt, de bonis ecclesiae, neque enim aliunde habent, infames patres infamibus filiis relinquunt. Бенедиктъ VIII (1022) на Павійскомъ соборѣ. См. Unger. Die Ehe etc, стр. 117.

**) Sigonius, Rer. ital. IX — Tissot. Le mariage et le divorce, 307.

природа за произвольное извращеніе и нарушеніе своихъ законовъ. Какъ сильно было сопротивленіе духовенства, видно изъ того, что Григорій VII обратился къ черни за помощью для принужденія духовенства къ безбрачію: ut qui pro amore Dei et officii dignitate non corriguntur, verecundia saeculi et objurgatione populi resipiscant. Множество духовныхъ поплатились жизнью за защиту своихъ правъ на вступленіе въ бракъ. Но введеніе безбрачія гибельно подѣйствовало на нравственность духовенства. Конкубинатъ сдѣлался повсемѣстнымъ явленіемъ и повсюду въ Европѣ, въ дальней Исландіи и въ Сициліи, епископы смотрѣли, какъ на доходную статью, на плату съ священниковъ за свое молчаливое согласіе на конкубинатъ *). Тщетно боролась папская власть съ этимъ зломъ: всѣ усилія соборовъ противодѣйствовать ему оказались тщетными. Сами міряне, къ помощи которыхъ Григорій VII обратился для противодѣйствія бракамъ духовенства, видѣли какое растлѣвающее вліяніе вноситъ въ общество такой противоестественный порядокъ и во многихъ мѣстахъ обязывали священниковъ имѣть наложницъ, охраняя отъ соблазна своихъ женъ и дочерей, избирая изъ двухъ золъ меньшее. Реформація немало была обязана своимъ успѣхомъ нравамъ безбрачнаго духовенства. Въ интересахъ нравственности, государства и религіи императоръ Фердинандъ, Лянсакъ кар-

---

*) Tout clere-qui-sera concubinaire publique... Et pour que en certaines regions aucuns qui on iuridiction ecclesiastique nont point de honte de prendre argent ou peccune des concubinaires en souffrant quilz demeurent et se souyllent de plus en plus en telle fetide punaisie et ordure, le sainct senne leur commande sur peine de malediction eternelle que doresna utanil z ne tollerent ou dissimulent telles choses sous paction com osition, ou esperance daucun quest ou gaing. Et au regard diceles concubines ou femmes suspectes les prelatz ayent cure et soing par toutes voyes et maniere de les gecter hors et separer du tout mesme par layde et inuocation, si mestier est, du bras seculier. Et aussi iceux prelatz ne permettent que les enfans qui seroient procreez de tel concubinage demereunt chez leurs peres. Pragmatique Sanction 1438. Нравы духовенства не измѣнились послѣ этого: въ конкордатѣ 1516 года мы вновь встрѣчаемъ распоряженіе о прекращеніи конкубината. См. Concord. 1516, VIII, apud De Champeaux, Recueil général du droit civil ecclésiastique francais, t. 1, стр. 48, 68.

диналъ Лотарингскій, герцогъ Баварскій и др. требовали на Тридентскомъ соборѣ разрѣшенія духовенству вступать въ бракъ, но соборъ, подъ вліяніемъ Пія VII, обязалъ духовенство къ безбрачію подъ страхомъ анаѳемы.

Ученіе о нерасторжимости брака и воспрещеніе лицамъ духовнаго званія вступать въ бракъ, постепенно развивающееся въ средневѣковой западной церкви и получившее въ XVI в. силу общаго каноническаго закона, составляетъ главное и характеристическое отличіе христіанскаго воззрѣнія на бракъ отъ воззрѣній господствовавшихъ въ античномъ мірѣ.

Постепенно измѣнялись и остальныя постановленія свѣтскаго права о бракѣ. Какъ уже замѣчено, вліяніе церкви на законодательство о бракѣ сильнѣе ощущалось на западѣ чѣмъ въ греческомъ мірѣ. Регулированіе брачныхъ отношеній мало по малу вполнѣ перешло въ вѣдѣніе духовенства. До VI вѣка на западѣ, за вступленіе въ запрещенный церковью бракъ, виновный хотя и подвергался отлученію отъ церкви, но въ гражданскомъ отношеніи бракъ сохранялъ свою юридическую силу. Въ шестомъ вѣкѣ впервые была признана судебная власть епископовъ въ дѣлахъ брачныхъ въ франкскомъ королевствѣ и это нововведеніе вскорѣ распространилось и утвердилось на всемъ западѣ. Уже Ириней и Тертуліанъ признаютъ приличнымъ (decet etc.) вступать въ бракъ съ одобренія епископа (de sententia episcopi) и тайные, безъ вѣдома христіанской общины заключенные брачные союзы подвергаются строгому порицанію (juxta moechiam et fornicationem). Браки заключались обыкновеннымъ гражданскимъ порядкомъ и заявлялись у епископа, послѣ чего, если не было каноническихъ препятствій, они получали церковное благословеніе. Позднѣе, хотя и предписывалось для законности брака извѣщеніе о немъ общины и церковное благословеніе однако союзъ заключенный съ брачной цѣлью, при отсутствіи особенныхъ препятствій, хотя бы безъ церковнаго благословенія и прочихъ формальностей, признавался законнымъ бракомъ; неисполненіе необходимыхъ формальностей не уничтожало всего брака, но влекло лишь за собою соразмѣрную

обстоятельствамъ эпитимію *). Но такіе браки весьма трудно было отличать отъ конкубината; церковь теряла возможность наблюденія за брачной жизнью и потому Тридентскій соборъ опредѣлилъ новый порядокъ заключенія брака: 1) Браку должно предшествовать троекратное оглашеніе въ церкви съ цѣлію оградить права третьихъ лицъ. 2) Женихъ и невѣста объявляютъ свое желаніе сочетаться бракомъ предъ своимъ приходскимъ священникомъ (parochus proprius) и по крайней мѣрѣ, предъ двумя свидѣтелями. Формальность эта такъ существенна, что безъ нея бракъ считается недѣйствительнымъ, цѣль же ея та, чтобы имѣть достовѣрнаго свидѣтеля заключеннаго брака; самый отказъ священника не уничтожаетъ дѣйствительности брака **), если только онъ слышалъ вышеозначенное заявленіе. Если брачущіеся числятся въ разныхъ приходахъ, то достаточно присутствія одного изъ ихъ священниковъ. Равномѣрно дѣйствителенъ бракъ, заявленный предъ священникомъ еще не получившимъ посвященія, въ теченіе года, въ которомъ онъ былъ посвященъ. 3) Бракъ заключенный такимъ образомъ долженъ, по древнему обыкновенію, быть утвержденъ благословеніемъ подлежащаго приходскаго священника или того, которому приходскій священникъ это поручитъ. Это впрочемъ несущественно для дѣйствительности брака. 4) Приходскій священникъ долженъ записать о заключеніи брака въ церковныхъ книгахъ. Это относится только къ доказательствамъ брачнаго союза, который можетъ быть доказанъ и другими способами. 5) Для юридической дѣйствительности брака дѣйствительное супружеское сожитіе не считается необходимымъ—признается естественнымъ и правомѣрнымъ осуществленіе брака при различіи браковъ на matr. ratum и consummatum. Положенія Тридентскаго собора о совершеніи брака получили въ каноническомъ правѣ дальнѣйшее развитіе. Для уясненія воззрѣній церкви на сущность брачнаго союза, укажемъ на постановленія папы Бенедикта XIV, что въ мѣстностяхъ, гдѣ

---

*) Walter, § 296.
**) Benedict. XIV, de Synodo dioc. XIII, 23. Walter, § 299.

необнародованы постановленія Тридентскаго собора, браки, заключенные безъ совершенія формальностей, признаются дѣйствительными для постоянныхъ жителей, но это не распространяется на тѣхъ, кто пріѣзжаетъ въ такую мѣстность съ цѣлью вступить въ таковой бракъ. Тамъ, гдѣ введенъ Тридентскій соборъ, но не имѣется католическихъ священниковъ, бракъ, заключенный въ отсутствіи духовнаго лица въ присутствіи двухъ свидѣтелей, признается дѣйствительнымъ. Браки протестантовъ и браки, заключенные лишь въ присутствіи гражданскихъ властей между католикомъ и иновѣрцемъ, признаются дѣйствительными.

Необходимыя условія для вступленія въ бракъ, т. е. взаимное согласіе жениха и невѣсты, возрастъ, физическая и юридическая способность, были заимствованы каноническимъ правомъ изъ римскаго права. Согласіе родителей, по каноническому праву, имѣетъ меньше значенія, нежели въ римскомъ правѣ. Своеобразнѣе былъ обработанъ церковью отдѣлъ права о препятствіяхъ къ вступленію въ бракъ. Въ числѣ препятствій встрѣчаются неизвѣстныя древнему гражданскому праву какъ напр. различіе религіи, другія же были развиты и получили болѣе широкое значеніе чѣмъ прежде—таковы препятствія возникающія изъ родства и свойства.

Въ первые шесть вѣковъ христіанства церковь строго придерживалась ученія о препятствіяхъ къ браку, вслѣдствіе родства и свойства, изложеннаго въ римскомъ правѣ. Римская компутація до сихъ поръ употребляется въ православной восточной церкви. Вслѣдствіе близкихъ и частыхъ сношеній съ варварами, сначала въ Галліи, потомъ въ Англіи, утвердилось германское счисленіе родства по колѣнамъ (generationes). Въ самой Италіи римское счисленіе господствовало до XII вѣка, когда въ разрѣшеніе спора возникшаго между равенскими юристами и Петромъ Даміани, папа Александръ II призналъ правильнымъ и каноническимъ германское родосчисленіе per generationes. Римское право запрещало браки между родственниками по прямой линіи до безконечности, въ боковыхъ линіяхъ — браки между братьями и сестрами и между такими лицами, изъ коихъ одно другому могло замѣ-

нять родителей. Бракъ между двоюродными братьями и сестрами, дозволенный во время республики, былъ опять запрещенъ Ѳеодосіемъ въ 385 г. Эти правила соблюдались церковью, но въ шестомъ вѣкѣ въ королевствѣ франкскомъ постепенно входитъ въ обычай воспрещать браки въ третьемъ каноническомъ колѣнѣ, также когда одинъ изъ брачущихся состоитъ въ третьемъ колѣнѣ, а другой въ четвертомъ колѣнѣ родства; такимъ образомъ браки не разрѣшаются уже родственникамъ до седьмой степени римской компутаціи. Около того же времени въ Испаніи, руководствуясь моисеевымъ правомъ, Толедскій соборъ запрещаетъ браки между родственниками вообще и согласно этому въ вестготскомъ королевствѣ воспрещались браки между родственниками шестой степени, составлявшей по римскимъ воззрѣніямъ предѣлъ кровнаго родства, cognatio. Въ седьмомъ вѣкѣ папы признавали вполнѣ позволительными уже только браки между родственниками въ пятомъ колѣнѣ, впрочемъ браки въ четвертомъ и третьемъ колѣнѣ не расторгались, особенно среди новообращенныхъ народовъ. Въ восьмомъ вѣкѣ папа Григорій II (721 г.) предалъ анаѳемѣ всѣ браки между родственниками, но въ разныхъ странахъ это запрещеніе примѣнялось различно: такъ въ Германіи запрещеніе это простиралось только до четвертаго колѣна. Сочиненіе Исидора Севильскаго (въ VII в.,) принимавшаго римскую шестую степень предѣломъ родства, подали поводъ воспретить браки въ шестомъ колѣнѣ. Иные недопускали брака между лицами состоявшими въ отдаленнѣйшихъ степеняхъ, если только можно было прослѣдить это родство; другіе, на основаніи вестготскаго бревіарія, принимавшаго границею родства римскую седьмую степень, распространяли запрещеніе на седьмое колѣно. Въ Англіи, гдѣ Григорій запрещалъ браки только во второмъ колѣнѣ, запретъ распространился постепенно на третье, четвертое, пятое, шестое и седьмое колѣно (въ XI вѣкѣ). Въ XI вѣкѣ крайнимъ предѣломъ запрещеннаго родства было седьмое колѣно. Эта чрезмѣрная строгость закона вызвала весьма печальныя послѣдствія. Въ малолюдныхъ мѣстностяхъ браки сдѣлались невозможными при сред-

невѣковой замкнутости мѣстной жизни. Семейная жизнь подрывалась незаконными, непризнанными церковью связями. Въ средѣ самого духовенства раздавались голоса противъ расширенія запрещенныхъ степеней родства (Rhabanus Maurus, 883 г.). Нравственная невозможность соблюденія этого правила побудила наконецъ стѣснить запрещеніе. Латеранскій соборъ, при Иннокентіи III, въ 1216 году ограничилъ запрещеніе вступать въ бракъ четвертымъ колѣномъ. Бракъ не расторгался и въ томъ случаѣ, если одинъ изъ супруговъ былъ въ пятомъ колѣнѣ, а другой въ четвертомъ колѣнѣ родства. Это опредѣленіе составляетъ до сихъ поръ правило въ римской церкви, правило, кромѣ того смягчаемое нетрудно достающимися папскими разрѣшеніями въ болѣе отдаленныхъ степеняхъ родства *). Относительно препятствій, возникающихъ изъ гражданскаго родства вслѣдствіе усыновленія, западная церковь руководствовалась римскимъ правомъ. Въ XII вѣкѣ запрещеніе усыновленному вступать въ бракъ съ дѣтьми усыновителя вышло изъ употребленія на востокѣ. Важнымъ нововведеніемъ были препятствія возникающія изъ родства духовнаго, неизвѣстныя классической римской юриспруденціи. Крещеніе, по ученію церкви, есть вторичное рожденіе, при чемъ воспріемники заступаютъ мѣсто родителей. Уже при Юстиніанѣ на востокѣ были запрещены браки между крестникомъ и воспріемниками, потомъ запрещеніе распространилось на дѣтей обѣихъ сторонъ и всѣхъ родственниковъ въ тѣхъ степеняхъ, въ которыхъ бракъ недозволялся въ естественномъ родствѣ. Первоначально и латинская церковь руководствовалась такими же правилами и даже распространила ихъ на воспріемниковъ при миропома-

*) Walter . 310.—Małżeństwa między osobami najodleglejszemi w linii pokrewieństwa prostej dolnej i górnej bez dispensy zawarte, bezprawne są. A że prawo natury do pierwżego tylko stopnia, to jest między ojcem i córką, synem i matkę związki malżeńskie określa; którego prawa, glowa kościola rozwolnić nie moze, więc w drugim i dalszych stopniach dispensować wolno: lubo to rzadko ile te do drugiego stopnia i to z przyczyn slusznych i waznych, czynić zwykla. Ostrowski, Prawo cywilne, 1787 г., т. I, 67. Сравни: Walter, § 180, 315.

заніи; впослѣдствіи, бракъ недопускался лишь между крестникомъ и воспріемницей, наконецъ между воспріемниками и родителями крещаемаго. Послѣднее запрещеніе не получило повсемѣстнаго признанія; въ томъ же случаѣ, когда супругъ былъ воспріемникомъ дитяти отъ своей жены, бракъ не подвергался расторженію (съ IX вѣка). — До тѣхъ же крайнихъ предѣловъ, какъ и въ кровномъ родствѣ, развилось церковное ученіе о препятствіяхъ къ браку, возникающихъ изъ свойства. Римское право запрещало бракъ съ тещей, мачихой, невѣсткой и падчерицей. Въ концѣ IV вѣка подъ вліяніемъ церкви запрещеніе распространилось на браки съ женой умершаго брата и съ сестрой умершей жены. Позднѣе, опираясь на ученіе о единеніи мужа и жены въ одно тѣло посредствомъ брака, это запрещеніе распространилось до седьмаго колѣна каноническаго счисленія. Даже это казалось недостаточнымъ. Въ случаѣ выхода жены по смерти перваго мужа замужъ за другаго, возникало свойство между родственниками перваго и втораго мужа; въ случаѣ же смерти ея и женитьбы втораго ея мужа, родственники этой жены входили въ свойство съ родственниками перваго мужа умершей жены ея мужа. Такимъ образомъ уже въ девятомъ вѣкѣ образовалось тройное свойство, affinitas primi, secundi et tertii generis, которыя всѣ составляли препятствіе къ браку до седьмаго колѣна. Иннокентій III (1216) отмѣнилъ aff. secundi et tertii generis и свойство перваго рода ограничилъ четвертымъ колѣномъ. Точно также возникало свойство уничтожающее бракъ, для лицъ, находившихся въ незаконномъ сожитіи со всѣми родственниками ихъ. Тридентскій соборъ ограничилъ это препятствіе вторымъ колѣномъ. Прелюбодѣяніе супруга съ родственникомъ другаго супруга уничтожало бракъ вслѣдствіе возникшаго свойства и невинный супругъ могъ вступить въ другой бракъ. Тридентскій соборъ отмѣнилъ совершенно это правило. Кромѣ естественнаго, искуственное свойство было также препятствіемъ. Римское право, усвоенное восточной церковью, запрещало бракъ между усыновленнымъ и супругой усыновителя, между послѣднимъ и женой усыновленнаго, даже по прекращеніи усынов-

ленія. Первоначально невозможнымъ признавался бракъ между супругомъ воспріемника и крещаемымъ и его родителями. Это препятствіе было отмѣнено путемъ практики. Римское право уже считало невѣсту отца какъ бы мачихой его дѣтей, а родителей обрученнаго какъ бы тестемъ и тещей другаго обрученнаго, а потому установляло соотвѣтственныя препятствія къ браку. Эти препятствія вошли и въ византійское право, и впослѣдствіи, составляли препятствіе къ браку въ тѣхъ же степеняхъ, въ какихъ составляло бы свойство, еслибы бракъ былъ дѣйствительно заключенъ. Въ западной церкви такое свойство до Иннокентія составляло препятствіе къ браку до седьмаго колѣна и было ограничено этимъ папою, а еще болѣе Тридентскимъ соборомъ. Въ настоящее время оно ограничивается первой степенью.

Условіями, вытекающими изъ естественнаго и искуственнаго родства и свойства, уничтожающими бракъ, не ограничиваются препятствія установленныя римской церковью къ заключенію брака и прекращающія бракъ если онъ совершился при ихъ существованіи. Эти препятствія двоякаго рода: въ основаніи однихъ лежитъ личный интересъ брачущихся, другія же истекаютъ изъ основаній лежащихъ въ существѣ самаго брака. Поэтому первыя могутъ быть заявляемы какъ поводы къ прекращенію брака, или же устраняемы явнымъ или молчаливымъ заявленіемъ со стороны самихъ заинтересованныхъ сторонъ; вторыя же каноническія препятствія могутъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ устраняемы лишь церковными властями. Къ препятствіямъ перваго рода принадлежатъ: 1) когда согласіе на бракъ вынуждено страхомъ или насиліемъ—въ такомъ случаѣ самая клятва церковью не считается обязательной; 2) когда при вступленіи въ бракъ имѣло мѣсто ошибка способная оказать существенное вліяніе на согласіе одной стороны. Древнее церковное право при этомъ имѣло въ виду только ошибку въ самоличности, erro personae, и ошибку въ правахъ состоянія лица, т. е. относительно состоянія свободы или рабства; новѣйшая юриспруденція и практика причисляетъ къ этому также другія качества существенно важныя для лица: неиз-

лѣчимую душевную болѣзнь, уголовное преступленіе, беременность невѣсты отъ третьяго лица. Согласіе на бракъ обыкновенно произносится предъ священникомъ безусловно, но между брачущимися, могутъ быть до брака поставлены какія-нибудь условія, негласно ограничивающія согласіе; въ такомъ случаѣ—если договоръ обусловливаетъ что нибудь противное существу брака, самый бракъ дѣлается недѣйствительнымъ—если же договоръ содержитъ что либо невозможное нравственно или физически, тогда самый договоръ дѣлается недѣйствительнымъ, бракъ же сохраняетъ свою силу. Суспенсивныя условія допускаются, резолютивныя признаются недѣйствительными, ибо запрещается договариваться о прекращеніи брака заключеннаго законнымъ порядкомъ *). 3) Неспособность къ брачному сожитію одного изъ супруговъ также составляетъ для другаго поводъ требовать уничтоженія брака, но для этого требуется, чтобы неспособность существовала до вступленія въ бракъ, была доказана какъ неизлѣчимая и не исчезла въ теченіи трехъ лѣтъ отъ заключенія брака, какъ это требуется еще 22-й новеллой (гл. 6); кромѣ того капитуларій Пипина (752) требуетъ, что бы семь родственниковъ подтвердили это обстоятельство присягою; нынѣ послѣднее не требуется. Немощная сторона не можетъ вступать въ бракъ, но по прекращеніи безсилія должна возвратиться къ прежде заключенному союзу, который былъ объявленъ ничтожнымъ, слѣдовательно, по ошибкѣ. Особое постановленіе Сикста V (1589) объявляетъ недѣйствительными браки евнуховъ. 4) Первоначально похищеніе невѣсты составляло непреодолимое препятствіе къ браку, хотя бы потомъ похищенная и изъявила свое согласіе на бракъ. Въ новѣйшемъ церковномъ правѣ свободное согласіе похищенной дѣлаетъ бракъ дѣйствительнымъ.—Разновѣріе (disparitas cultus) супруговъ искони считалось несогласнымъ съ религіознымъ значеніемъ христіанскаго брака. Уже св. Амвросій и Августинъ осуждали брачные союзы христіанъ съ язычниками. Законы римскихъ императоровъ запрещали браки про-

*) Walter, § 305.

винціаловъ съ варварами и христіанъ съ евреями. Помѣстные соборы также объявляли союзы христіанъ съ евреями (Овернскій 535 г. и Толедскій 633 г.) недѣйствительными. Въ случаѣ принятія иновѣрнымъ супругомъ римско-католической религіи бракъ долженъ былъ совершаться снова. Такъ какъ бракъ есть союзъ, охватывающій всю жизнь человѣка и на всю жизнь соединяющій жизнь одного супруга съ жизнью другаго, то несовмѣстимо съ этимъ понятіемъ, если жизнь одного изъ супруговъ, вслѣдствіе принятаго имъ на себя обѣта, также всецѣло посвящена иному служенію; потому вѣчные обѣты, по каноническому праву составляютъ причину недѣйствительности брака; къ таковымъ причисляются: 1) существующій бракъ—многоженство осуждается церковью и гражданскими законами. Между нѣсколькими союзами, заключенными съ брачной цѣлью, бракомъ признается первый по времени союзъ; даже язычникъ принявшій христіанство не можетъ вступить въ бракъ, если еще существуетъ брачный союзъ, заключенный имъ въ язычествѣ. 2) Торжественный обѣтъ цѣломудрія (vota solemnia) уже въ первые вѣка христіанства считался препятствіемъ браку и нарушеніе его сопровождалось отлученіемъ виновнаго отъ церкви. Съ переходомъ дѣлъ брачныхъ въ вѣдѣніе церкви подобные браки признавались недѣйствительными. Таковымъ обѣтомъ въ церкви признается, кромѣ принятія священническаго сана, вступленіе въ монашество. Впрочемъ послѣднее только тогда признавалось препятствіемъ къ браку, когда это обстоятельство открывалось до совершенія брака (consumptio); въ противномъ случаѣ, супругъ можетъ исполнить монашескій обѣтъ только съ согласія другаго супруга, но и тогда бракъ не считается прекратившимся для другаго супруга, потому этотъ послѣдній, при жизни перваго, не можетъ вступить въ новый бракъ. 3) Священническій санъ дѣлаетъ послѣдующій за нимъ бракъ недѣйствительнымъ, но предшествующій, хотя бы несовершенный (non consummatum), бракъ остается въ полной силѣ. Наконецъ послѣдній родъ препятствій уничтожающихъ бракъ, составляетъ преступленіе. Преступленія эти двоякаго вида: 1) прелюбодѣяніе, дѣлавшее, по римско-

му праву, послѣдующій бракъ между виновными невозможнымъ, въ каноническомъ правѣ тогда только составляетъ рѣшительное препятствіе браку, когда сопровождается особенно отягчающими обстоятельствами, причемъ различаются два случая: *а*) когда прелюбодѣи умышляли на жизнь супруга или же *б*) когда сговаривались о бракѣ, при жизни супруга, на случай смерти; 2) убійство одного супруга другимъ,—по древнему церковному праву это преступленіе наказывалось строгимъ церковнымъ покаяніемъ и воспрещеніемъ вступать въ бракъ вообще,—новое церковное право ограничивается воспрещеніемъ брака съ сообщникомъ преступленія.

Всѣ вышеизложенныя препятствія носятъ техническое названіе impedimenta dirimentia. Заключенный при существованіи ихъ бракъ недѣйствителенъ. Но кромѣ этихъ, существуютъ другія обстоятельства, при которыхъ церковь возбраняетъ бракъ, соблюденіе которыхъ возлагается на обязанность духовнаго лица, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ не влекутъ за собою недѣйствительности брака. Къ таковымъ принадлежатъ: 1) отсутствіе согласія родителей, 2) сговоръ (sponsalia) съ другимъ лицомъ, 3) негласный обѣтъ цѣломудрія, 4) воспрещеніе духовныхъ властей заключать бракъ впредь до разъясненія возникшихъ сомнѣній; папа можетъ издать такое запрещеніе подъ опасеніемъ недѣйствительности брака; 5) всѣ тѣ случаи, когда, въ силу мѣстныхъ законовъ, духовенство не принимаетъ участія при заключеніи брака; 6) согласно древнимъ церковнымъ постановленіямъ, заключеніе брака возбранялось въ нѣкоторые церковные праздничные дни, въ дни общественнаго покаянія; 7) наконецъ препятствіемъ признавались отношенія учителя къ оглашаемому (катехумену); это послѣднее, и препятствіе по причинѣ общественнаго покаянія въ настоящее время вышли изъ употребленіи.

Изложенныя выше препятствія къ заключенію брака, сложныя въ нынѣшнемъ упрощенномъ церковномъ правѣ, поразительныя по своей строгости, сравнительно съ древнимъ гражданскимъ правомъ, чѣмъ далѣе мы восходимъ въ средніе вѣка не могли не возбуждать частыхъ сомнѣній и затрудненій при приложеніи ихъ къ жизни. Строгое соблюденіе всѣхъ

каноническихъ правилъ о бракѣ, во всѣхъ случахъ было невозможно, и церковь признала это въ широкомъ примѣненіи усвоеннаго ею права диспенсаціи или разрѣшенія. Подъ этимъ названіемъ разумѣется изъятіе отдѣльнаго случая изъ подъ силы каноническаго правила, непосредственно къ нему относящагося. Первоначально это право принадлежало помѣстнымъ соборамъ и епархіальнымъ епископамъ, потомъ, съ постепеннымъ ослабленіемъ соборнаго начала и съ усиленіемъ іерархическаго элемента въ западной церкви, перешло во власть римскаго престола. Въ дѣлахъ меньшей важности разрѣшенія давались мѣстными епископами. Въ XVII вѣкѣ папы стали передавать право диспенсацій и въ болѣе важныхъ дѣлахъ епископамъ особыми уполномочіями (facultates), возобновляемыми черезъ пять лѣтъ. Лишь особо важныя impedimenta dirimentia нуждаются въ папскомъ разрѣшеніи. Прошеніе о диспенсаціи, если обстоятельства не требуютъ соблюденія тайны, въ такомъ случаѣ идетъ чрезъ епископа въ римскую датарію съ приложеніемъ извѣстной суммы денегъ смотря по средствамъ просителя, въ знакъ признательности церкви за разрѣшеніе. Деньги эти употребляются на миссіи и тому подобныя благочестивыя цѣли. Если же обстоятельства дѣла не допускаютъ огласки, то прошеніе, безъ имени просителя, представляется духовнымъ отцемъ чрезъ епископское управленіе въ датарію и разрѣшеніе дается безпрепятственно. Обстоятельства, въ силу которыхъ требуется диспенсація должны быть выяснены подробно. Разсмотрѣніе ихъ въ Римѣ поручается обыкновенно начальникамъ духовныхъ орденовъ. Границы права диспенсаціи въ брачныхъ дѣлахъ неопредѣлены никакимъ каноническимъ постановленіемъ и это немало способствовало духовенству пріобрѣсти то громадное вліяніе, которымъ оно пользуется въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ.

Говоря о тѣхъ перемѣнахъ которыя христіанство водворяло въ античныхъ воззрѣніяхъ на бракъ, мы коснулись вопроса о разводѣ. Положеніе о нерасторжимости брачнаго союза прямо вытекало изъ того отношенія къ внѣшнему гражданскому, естественному міру, въ которомъ стояли первые

церковные вожди-писатели, однако это положеніе не могло развиться въ церковномъ законодательствѣ безпрепятственно во всей чистотѣ и послѣдовательности. Съ одной стороны древне-гражданское право крѣпко держалось въ обществѣ *) и оказывало сильное вліяніе на церковныя постановленія, замѣтное въ постановленіяхъ о бракѣ до сихъ поръ, съ другой стороны моисеево право и нѣкоторыя мѣста новаго завѣта склоняли духовенство къ допущенію случаевъ развода. Многочисленныя соборныя постановленія допускаютъ разводъ и многіе авторитеты каноническаго права поддерживаютъ это мнѣніе, но логика права и исключительное положеніе западной церкви вели неудержимо къ признанію вѣчности и неразрывности христіанскаго брачнаго союза. Послѣднее мнѣніе получило наконецъ свою каноническую санкцію на Тридентскомъ соборѣ, увѣнчавшемъ развитіе ученія о бракѣ въ римской церкви. Тридентскій соборъ былъ вызванъ тѣмъ потрясеніемъ католическаго міра, которое произвела реформація. Противъ новыхъ ученій и догматовъ протестантизма католическая церковь въ послѣдній разъ поднялась во всей своей силѣ, чтобы окончательно закрѣпить свое ученіе колебавшееся по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ и предать проклятію разномыслящихъ. Въ средѣ собора нашлись защитники расторженія брака по поводу прелюбодѣянія. Эразмъ Роттердамскій, кардиналъ Каетанъ, архіепископъ Компскій, Амвросій Катаринусъ поддерживали это мнѣніе. Соборъ, имѣя въ виду привлекательность болѣе свободнаго отношенія къ браку протестантизма, contra insanientes hujus saeculi, libertatem carnis introducentes, ne plures ad se trahat perniciosa eorum contagio, усилилъ строгость и предалъ проклятію тѣхъ, кто утверждаетъ, «что церковь ошибается, когда учила и учитъ, согласно ученію евангелія и апостоловъ, что невозможно разрѣшать узъ брака вслѣдствіе

*) Въ большей части странъ западной Европы въ XII вѣкѣ бракъ еще прекращался разводомъ и разведенные супруги вступали въ новые браки. Самъ Григорій VII пишетъ: matrimonium solvi nequit nisi forte fornicationis causa. Также Ѳеофилактъ и Петръ Ломбардскій.

прелюбодѣянія одного изъ супруговъ; что одному супругу, хотя бы невинному, не дозволяется, при жизни другаго супруга, заключать новый брачный союзъ; что блудодѣйствуетъ тотъ, кто отвергнувъ прелюбодѣйцу, женится на другой и та, которая отвергнувъ прелюбодѣя, выйдетъ замужъ за другаго». Нерасторжимость брака позднѣе была признана свойствомъ брака даже заключеннаго между еретиками, потому что хотя они и считаютъ разводъ непротивнымъ откровенію, однако божескій (т. е. постановленіе тр. соб.) законъ одинаково распространяется и на ихъ бракъ; даже браки нехристіанъ, заключенные по ихъ законамъ, признаются въ римской церкви если не таинствомъ, то союзами истинными, правильными и потому неразрывными. Исключеніе допускается лишь въ томъ случаѣ, когда супругъ нехристіанинъ несогласится продолжать съ супругомъ, обратившимся въ христіанство, супружескаго общенія принятіемъ также христіанства или же будетъ оскорблять христіанскую вѣру, однако же прежній бракъ только тогда почитается расторгнутымъ, когда супругъ христіанинъ вступитъ въ новый бракъ.

Воспрещая разводъ, римская церковь признала на Тридентскомъ соборѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимымъ установить разлученіе супруговъ отъ стола и ложа, на опредѣленный срокъ или навсегда. Срочное, на опредѣленное время, разлученіе допускается во многихъ случаяхъ, именно по поводу дурнаго обращенія. Тяжкая отвратительная болѣзнь въ новомъ церковномъ правѣ не признается достаточной причиной разлученія, такъ какъ въ этомъ случаѣ согласнѣе съ сущностью христіанскаго брака требовать отъ супруговъ особой любви и заботливости, ибо общность жизни заключается въ общности счастія и несчастія, выпадающихъ на долю супруговъ. Каноническое право признаетъ, впрочемъ, поводомъ къ разлученію проказу, ужасную болѣзнь особенно свойственную среднимъ вѣкамъ. Безсрочное разлученіе отъ стола и ложа можетъ быть требуемо только въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности однимъ изъ супруговъ, но, въ противоположность древнему римскому праву (и нѣкоторымъ но-

вѣйшимъ законодательствамъ, напр. франц. угол. кодексу). каноническое право одинаково строго относится къ невѣрности мужа, какъ и къ невѣрности жены. Для доказательства прелюбодѣянія достаточно сильныхъ подозрѣній, принимается также и собственное сознаніе. Насиліе или извинительная ошибка не признаются прелюбодѣяніемъ. Отвергается прошеніе о разлученіи и въ томъ случаѣ, когда истецъ также виновенъ въ нарушеніи святости брака, когда онъ самъ довелъ виновнаго до нарушенія супружеской вѣрности, или когда явно или молчаливо простилъ виновному этотъ проступокъ. Во имя любви церковь даже требуетъ такого прощенія, но, въ видахъ поддержанія чистоты брачныхъ отношеній, разрѣшаетъ супругу принять къ себѣ въ общеніе виновную сторону лишь послѣ строгаго церковнаго покаянія. Дѣйствіе разлученія отъ стола и ложа состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что для невинной стороны прекращается обязанность супружескаго сожитія, но эта обязанность сохраняетъ всю свою силу для виновной стороны, почему невинная сторона всегда можетъ потребовать возстановленія брака въ его полнотѣ. Разлученіе отъ стола и ложа можетъ послѣдовать только послѣ опредѣленія постановленнаго духовнымъ судьей; допускается впрочемъ и самовольное разлученіе, если продолженіе сожитія представляетъ опасность для одной изъ сторонъ.

Дѣла брачныя перешли въ духовное судебное вѣдомство очень давно. Уже въ IV в. Ѳеодосіевъ кодексъ признаетъ обязательную силу епископскихъ судовъ и предписываетъ гражданскимъ властямъ оказыватъ въ этихъ случаяхъ духовенству необходимую помощь. Духовная юрисдикція получила свое полное развитіе въ византійскомъ правѣ и оттуда перешла въ русское законодательство. На западѣ также всѣ юридическія отношенія, имѣвшія хотя бы отдаленную связь съ вопросами нравственности и религіи, подлежали суду церкви. Такимъ образомъ всѣ вопросы о бракахъ, приданомъ, законности рожденія дѣтей, о вдовахъ и сиротахъ, о завѣщаніяхъ подлежали духовнымъ судьямъ. Къ исполненію судебныхъ рѣшеній своихъ, церковь могла побуждать только

угрозою церковныхъ каръ, однако свѣтскіе суды (на соборахъ IX вѣка) были обязаны въ случаѣ нужды оказывать поддержку и помощь духовнымъ приговорамъ средствами свѣтской власти. Съ XVI вѣка юрисдикція духовныхъ судовъ ограничивается чисто-религіозными вопросами и изъ смѣшанныхъ дѣлъ въ вѣдѣніи духовнаго суда остаются лишь дѣла о бракахъ; дѣла, которыя впрочемъ наиболѣе способствуютъ укрѣпленію всесторонняго вліянія духовенства на общественную жизнь.

Судебная власть въ древнѣйшія времена принадлежала епископу вмѣстѣ съ пресвитерами. Въ германскихъ государствахъ эта власть предоставлялась архидіаконамъ. Тамъ, гдѣ были смѣшанные суды, судъ архидіаконскій соединялся съ судомъ графскимъ или общиннымъ, но смѣшанные суды мало по малу вышли изъ употребленія и духовный судъ сосредоточился въ рукахъ епископскаго оффиціала или генеральнаго викарія съ участіемъ юридически образованныхъ клириковъ. Рядомъ съ этой обыкновенной властью стояла чрезвычайная судебная власть папы. Часто случалось, что папа, помимо епископа, рѣшалъ дѣла, подсудныя мѣстному духовному суду, чему особенно способствовало присутствіе папскихъ легатовъ почти во всѣхъ странахъ Европы. Этотъ порядокъ повелъ къ ученію о делегаціи судебной власти, получившему развитіе въ каноническомъ правѣ. Окончательную организацію духовный судъ получилъ на Тридентскомъ соборѣ (Conc. Trid. S. XXIV, c. 20 de refer.). Въ новомъ каноническомъ правѣ епископскій судъ составляетъ первую инстанцію. Апелляція на епископскій судъ первоначально подавалась посреднику или митрополиту и провинціальному собору, позднѣе же архіепископскому оффиціалу, а на его рѣшеніе папѣ или его легату. Этотъ порядокъ соблюдался впрочемъ невсегда. Нерѣдко обходили епископскую инстанцію или апеллировали папѣ, не дожидаясь окончательнаго рѣшенія подлежащаго суда. Въ XII вѣкѣ для облегченія тяжущихся установился обычай, что папы, не требуя въ Римъ обжалованныхъ дѣлъ, поручали разрѣшать ихъ на мѣстѣ особо назначеннымъ судьямъ. Констанцскій конкордатъ и соборы Базельскій

и Тридентскій постановили, что апелляція допускается лишь на окончательное рѣшеніе, и, при апелляціи къ легату или папѣ, дѣло должно разрѣшаться на мѣстѣ особо назначенными судьями (judices in partibus), которые избираются согласно древнимъ церковнымъ правиламъ на провинціальныхъ или епархіальныхъ соборахъ. Гдѣ соборы не собираются, такихъ судей назначаетъ епископъ съ капитуломъ.

Пока увеличеніе предѣловъ вѣдомства и усложнившіяся юридическія отношенія не сдѣлали необходимымъ установленія опредѣленныхъ процессуальныхъ формъ, дѣлопроизводство въ епископскихъ судахъ было чрезвычайно просто, какъ это видно изъ апостольскихъ постановленій. Христіане имѣли свой особый судебный домъ, и еженедѣльно одинъ день назначался для разбирательства. Окруженный пресвитерами и діаконами, епископъ возсѣдалъ на судебномъ сѣдалищѣ, являлись стороны и представляли свидѣтелей, которые давали показанія. Затѣмъ пресвитеры увѣщевали спорящихся примириться и если примиренія не происходило, епископъ объявлялъ свое рѣшеніе. Это судопроизводство смѣнилось болѣе сложными формами римскаго процесса, а въ XII вѣкѣ каноническій процессъ получилъ свою окончательную обработку.

Церковное законодательство о бракѣ вытѣснило какъ древнее римское право, такъ и національное право новыхъ народовъ и долго безусловно господствовало въ западной Европѣ. Даже до настоящяго времени главныя начала его лежатъ въ основаніи гражданскихъ законовъ о союзѣ брачномъ всѣхъ католическихъ странъ Европы, отчасти и въ Англіи. Взаимныя отношенія супруговъ утратили ту первобытную суровость, съ которой относилось къ женщинамъ языческое право. Въ царствѣ Христовомъ нѣтъ строгой господской власти мужчины надъ женщиной,—ихъ права и обязанности уравнены,—если же зависимость жены отъ мужа и допускается, то образцомъ этого отношенія ставится преисполненное любви и надежды отношеніе церкви къ Христу. Это отношеніе возникаетъ свободно. Свободное согласіе необходимо для брака. Лежащая въ основѣ его любовь, рѣшеніе на взаимное полное общеніе выражающееся въ семейной жизни, аffес-

tio matrimonialis—составляетъ, по мнѣнію церкви, существенную основу брачнаго союза, видимый признакъ благодати освящающей бракъ. Благословеніе церковное долгое время не признавалось безусловно необходимымъ и подробный порядокъ вѣнчанія брака былъ установленъ и признанъ необходимымъ лишь на Тридентскомъ соборѣ и въ силу чисто практическихъ соображеній. Священникъ совершающій бракъ, въ сущности есть ничто иное, какъ представитель христіанской общины, церкви, предъ которой брачущіеся заявляютъ свое взаимное и свободное согласіе на брачную жизнь, существенно необходимое для законности брачнаго союза. Только тогда, когда древняя христіанская община окончательно исчезла изъ народной и церковной памяти и изъ совокупности древнихъ правъ ея церковныя права отошли къ самостоятельному, несвязанному съ ней органически духовенству, а другія права отошли къ государству; только тогда, когда реформація вновь подняла вопросъ о необходимости возстановленія древняго христіанскаго строя общины-церкви,—представительница историческаго церковнаго развитія на западѣ, римская церковь признала существенно необходимымъ для брака совершеніе церковнаго обряда. Суровыя воззрѣнія на естественныя взаимныя отношенія мужчины и женщины, навѣянныя на древнихъ учителей церкви созерцаніемъ языческаго міра, западная церковь сохранила свято и перенесла ихъ на міръ новоевропейскій, поставленный уже въ совершенно иныя нравственныя и общественныя условія. Первобытная церковь не могла равнодушно смотрѣть на произвольныя прекращенія брачнаго союза, часто бывшія слѣдствіемъ разнузданной чувственности, несдерживаемой ни очищенной и просвѣтленной нравственностью, ни идеализмомъ религіозныхъ представленій о бракѣ; но ей одинаково чуждо было безусловное воспрещеніе прекращать брачный союзъ, когда исчезала нравственная возможность сохранить чистоту его, когда исчезала взаимная любовь, низводившая Божью благодать на брачущуюся чету. Воспрещая прекращеніе брака римская церковь была послѣдовательна и вѣрна буквѣ писанія, но она тяжко грѣшила противъ духа христіанскаго

ученія о бракѣ. Отрицая возможность прекратить бракъ, когда исчезала внутренняя, духовная основа его бытія, западная церковь тѣмъ большее значеніе придала внѣшнимъ, произвольнымъ условіямъ. Безчисленныя препятствія, возникающія изъ родства, свойства, духовныхъ обѣтовъ, религіозной розни, преступленій, весьма скромно ограниченныя постановленіями Латеранскаго и Тридентскаго соборовъ, дѣлали и дѣлаютъ существованіе браковъ гораздо болѣе непрочнымъ, подвергаютъ его постоянно возможности быть расторгнутымъ по инииціативѣ третьихъ лицъ, даютъ средство человѣку разлучить то, что сочеталъ Богъ и тѣмъ самымъ подрываютъ цѣлость христіанской жизни, препятствуютъ развитію крѣпкихъ и чистыхъ нравственныхъ началъ въ христіанскомъ обществѣ гораздо болѣе, нежели широкія права супруговъ на прекращеніе брака, усвоенныя некатолическимъ христіанствомъ. Брачный союзъ подлежитъ столько же, по крайней мѣрѣ, вѣдѣнію государства, сколько подлежитъ онъ вѣдѣнію церкви. Но церковь властна только въ сферѣ нравственно-религіозныхъ отношеній и въ строгомъ ограниченіи ея этимъ кругомъ заключается ея истинное призваніе и ея сила. Государство же состоящее изъ свободныхъ и полноправныхъ гражданъ, призвано къ созданію и охранѣ такого порядка общественнаго, который охраняетъ личность гражданина отъ матеріальнаго и нравственнаго насилія. Эти двѣ сферы исторической жизни человѣка долгое время смѣшивались и порабощали одна другую. Во имя матеріальной силы, государство требовало себѣ служенія со стороны религіи въ древнемъ мірѣ. Во имя нравственно-религіознаго начала, религія стремилась поработить себѣ средневѣковое государство. Долгой борьбой выработалось убѣжденіе, что церковь и государство—два различные союза, примиреніе которыхъ между собою должно быть предоставлено свободной совѣсти лица. Это дорогою цѣною пріобрѣтенное убѣжденіе, положенное въ основу преимущественно германскихъ законодательствъ, было плодомъ реформаціи.

М. П. Соловьевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА
УСТАВА
КОММЕРЧЕСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

I.

Прежде нежели мы познакомимъ читателя съ содержаніемъ самаго проекта, не безполезно, думаемъ, ближе ознакомиться съ тѣмъ матеріаломъ, который былъ въ виду комиссіи составлявшей проектъ.

Коммерческіе суды возникли у насъ указомъ 14 мая 1832 года. Цѣль ихъ учрежденія объяснялась тѣмъ, что въ большихъ торговыхъ городахъ производство сложныхъ коммерческихъ споровъ отъ сліянія ихъ въ однихъ судебныхъ мѣстахъ съ множествомъ другихъ дѣлъ подвергалось часто значительнымъ затрудненіямъ. Между тѣмъ торговыя дѣла требуютъ быстроты и строгости въ отношеніи тяжущихся, а этого возможно было достигнуть только при коренной реформѣ стараго судопроизводства. И дѣйствительно, уставъ судопроизводства въ коммерческихъ судахъ (книга IV т. XI уст. торг.) въ свое время, при старыхъ порядкахъ судопроизводства, при собираніи судами справокъ, тормозившихъ дѣла на безконечное число лѣтъ, былъ эпохою въ ходѣ законодательныхъ работъ по преобразованію судебной части. Но получилъ онъ примѣненіе на весьма незначительномъ простран-

ствѣ Россіи. *) Здѣсь конечно не мѣсто останавливаться на тѣхъ причинахъ, которыя пріостановили дальнѣйшее примѣненіе устава коммерческаго судопроизводства. Замѣтимъ только, что въ указѣ 14 мая 1832 г., между прочимъ, учрежденіе коммерческихъ судовъ представляется необходимымъ вездѣ, гдѣ важность и пространство торговыхъ дѣлъ требовать того могутъ. Значитъ не было другихъ центровъ торговли, гдѣ бы важность и пространство торговыхъ дѣлъ заставляла открывать вновь коммерческіе суды.

Въ такомъ видѣ застаютъ коммерческіе суды памятные 1860—64 г., эпоха коренныхъ реформъ въ нашемъ отечествѣ. 29-го сентября 1862 года обнародованы были въ общее извѣстіе основныя положенія преобразованія судебной части. Вслѣдъ за тѣмъ Высочайшимъ повелѣніемъ 11 января 1865 года поручено было комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Буткова, составить уставъ коммерческаго или торговаго судопроизводства.

Комиссія, приступая къ исполненію возложеннаго на нее порученія, соотвѣтственно условіямъ и особенностямъ нашей гражданской жизни, начала свои работы, также какъ и предшествующая ей комиссія, занимавшаяся подготовительными проектами новыхъ уставовъ судопроизводства, съ истребованія мнѣній практиковъ—предсѣдателей и членовъ коммерческихъ судовъ и другихъ лицъ близко знакомыхъ съ производствомъ торговыхъ дѣлъ. Отъ нихъ требовалось высказать мнѣнія какъ о недостаткахъ дѣйствующаго нынѣ торговаго законодательства, такъ и въ особенности о томъ, на какихъ именно основаніяхъ можно было судебные уставы 20-го ноября 1864 года примѣнить къ производству дѣлъ подвѣдомыхъ коммерческимъ судамъ.

---

*) Въ настоящее время существуютъ только 9 коммерческихъ судовъ: с.-петербургскій, московскій, одесскій, тифлисскій, архангельскій, войска донскаго, таганрогскій, керчь-еникольскій и бессарабскій. Вѣдомство первыхъ шести простирается только на города и уѣзды; а трехъ послѣднихъ на города: Ростовъ и Бердянскъ, Крымскій полуостровъ и на всѣ города Бессарабской области.

По полученіи предположеній разныхъ лицъ о примѣненіи судебныхъ уставовъ 26 ноября 1864 г. къ коммерческимъ судамъ, комиссія прежде всего задалась разрѣшеніемъ вопроса о томъ: *есть-ли надобность въ изданіи особаго торговаго судопроизводства?*

Какъ мы уже упомянули выше, коммерческіе суды возникли у насъ при старыхъ порядкахъ судопроизводства, при *слѣдственномъ* судопроизводствѣ. Между тѣмъ уставы 26 ноября 1864 г. произвели у насъ въ судопроизводствѣ коренную реформу; гражданскій процессъ получилъ словесную форму, обязательность личной явки сторонъ и свидѣтелей, веденіе дѣлъ можетъ быть поручаемо присяжнымъ повѣреннымъ, число судебныхъ инстанцій, для разсмотрѣнія дѣлъ по существу ограничено лишь двумя, устранено всякое участіе суда въ собираніи доказательствъ, предъявленіе отводовъ сдѣлано обязательнымъ при самомъ приступѣ къ производству дѣла, введены заочныя рѣшенія, случаи подачи частныхъ жалобъ ограничены и сроки на принесеніе какъ сихъ жалобъ, такъ и апелляціонныхъ сокращены. Однимъ словомъ — при введеніи устава 20 ноября 1864 г. имѣлся въ виду уставъ судопроизводства коммерческаго и если сдѣланы отступленія отъ этого устава, то единственно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обнаружились на практикѣ неудобства и затрудненія въ исполненіи правилъ послѣдняго. Такимъ образомъ съ изданіемъ устава 20 ноября 1864 г. сгладились главнѣйшія особенности, которыми торговое судопроизводство отличалось отъ производства въ судахъ общихъ. Но кромѣ того, въ новое судопроизводство введены положительныя улучшенія сравнительно съ правилами дѣйствующими въ судахъ коммерческихъ. Такъ установлена новая система оцѣнки доказательствъ въ дѣлахъ гражданскихъ и постановлены подробныя правила объ обезпеченіи исковъ, о привлеченіи къ дѣлу третьихъ лицъ и вступленіи ихъ въ дѣло, объ отмѣнѣ рѣшеній, о судебныхъ издержкахъ, объ исполненіи судебныхъ рѣшеній о взысканіи убытковъ съ судей, прокуроровъ и другихъ чиновъ судебнаго вѣдомства и о примирительномъ разбирательствѣ.

При сравненіи устава коммерческаго съ уставомъ 20 но-

ября комиссія пришла къ тому выводу, что уставы 20 ноября представляютъ болѣе средствъ къ достиженію быстраго и справедливаго отправленія правосудія и что этотъ, уставъ долженъ быть примѣненъ и къ уставу торговаго судопроизводства.

Затѣмъ комиссія перешла къ разсмотрѣнію другаго вопроса: *слѣдуетъ-ли сохранить на будущее время коммерческіе суды въ видѣ особаго судебнаго установленія?*

Комиссія точно также какъ при разрѣшеніи предшествующаго вопроса первоначально нашла необходимымъ разсмотрѣть тѣ особенности, которыми до изданія судебныхъ уставовъ 1864 г. коммерческіе суды отличались отъ судовъ общихъ.

1) Коммерческій судъ состоитъ изъ предсѣдателя и его товарищей, избираемыхъ мѣстнымъ городскимъ обществомъ изъ чиновниковъ не ниже VI класса, и изъ членовъ мѣстнаго купечества, по выбору того же общества (ст. 1267, 1274 и 1278).

2) Для изготовленія повѣстокъ о явкѣ въ судъ и для доставленія приказовъ о явкѣ состоятъ при коммерческихъ судахъ присяжные пристава, а для врученія повѣстокъ присяжные служители (1270 и 1531).

3) Для хожденія по дѣламъ въ качествѣ повѣренныхъ, учреждены присяжные стряпчіе (ст. 1291). Сверхъ того къ ходатайству допускаются: 1) купцы или гости, производящіе торговлю, если они незанимаются симъ званіемъ по другимъ судебнымъ мѣстамъ, какъ промысломъ и 2) бухгалтеры, кассиры и вообще лица, состоящія при конторѣ истца или отвѣтчика (ст. 1271, 1284).

4) Для первоначальнаго распоряженія и охраненія имуществъ по дѣламъ лицъ впавшихъ въ несостоятельность, до открытія конкурснаго управленія, состоятъ при коммерческихъ судахъ присяжные попечители (ст, 1271 и 1284).

Изъ этого видно что къ числу спеціальныхъ органовъ коммерческаго суда можно отнести только присяжныхъ приставовъ и служителей, присяжныхъ стряпчихъ и присяжныхъ попечителей. Между тѣмъ учрежденіемъ судебныхъ устано-

вленій 1864 года, къ составу общихъ судебныхъ установленій присоединены судебные пристава съ возложеніемъ на нихъ нетолько тѣхъ обязанностей, которыя нынѣ входятъ въ кругъ дѣйствій присяжныхъ приставовъ и служителей, состоящихъ при коммерческихъ судахъ, но и исполненіе судебныхъ рѣшеній. Что касается до присяжныхъ стряпчихъ, то существующій нынѣ институтъ присяжныхъ повѣренныхъ получилъ бóльшее развитіе, такъ какъ послѣднимъ предоставлено ходатайство во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ округа судебной палаты, къ которой они приписаны (ст. 388 учреж. суд. устан.). Поэтому всѣ учрежденія торговаго устава, которые облегчаютъ веденіе дѣлъ въ коммерческихъ судахъ, существуютъ и по судебнымъ уставамъ 1864 г. и даже съ значительнымъ усовершенствованіемъ, такъ что они немогутъ быть приводимы въ подкрѣпленіе мысли о необходимости дальнѣйшаго сохраненія коммерческихъ судовъ. Относительно присяжныхъ попечителей, комиссія нашла, что положеніе ихъ должно быть опредѣлено новымъ уставомъ о несостоятельности, составленіе котораго возложено на II отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

По изложеннымъ соображеніямъ комиссія пришла къ убѣжденію что въ дальнѣйшемъ сохраненіи коммерческихъ судовъ ненастоитъ надобности, что взамѣнъ нынѣшней IV книги XI т. уст. торг, судопр., достаточно постановить въ видѣ изъятій изъ общаго порядка судопроизводства, нижеслѣдующія правила.

I. Дѣла подлежащія вѣдѣнію с.-петербургскаго и московскаго коммерческихъ судовъ, со времени изданія настоящихъ правилъ, а дѣла подлежащія вѣдѣнію прочихъ семи коммерческихъ судовъ, со времени введенія въ мѣстностяхъ, гдѣ оные учреждены, новыхъ судебныхъ установленій, разсматриваются въ мировыхъ и общихъ судебныхъ установленіяхъ на общемъ основаніи.

II. Въ тѣхъ окружныхъ судахъ, которые состоятъ изъ нѣсколькихъ гражданскихъ отдѣленій, всѣ дѣла, изъ торговыхъ оборотахъ и сдѣлокъ возникающія, сосредоточиваются по возможности въ одномъ изъ сихъ отдѣленій; но разсмо-

трѣніе этихъ дѣлъ въ другихъ отдѣленіяхъ несоставляетъ нарушенія подсудности и неможетъ служить причиною отвода.

III. Въ окружныхъ судахъ дѣла сіи производятся по уставу гражд. судопр. 1864 г. съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ:

1) Въ тѣхъ чрезвычайныхъ и настоятельныхъ случаяхъ, возникающихъ изъ отношеній и договоровъ, опредѣленныхъ въ уставѣ торговомъ, когда дѣло идетъ о задержаніи отвѣтчика, подозрѣваемаго въ намѣреніи скрыться или о наложеніи ареста на его товары, деньги и другое движимое имущество, а также въ дѣлахъ, касающихся сухопутныхъ и водяныхъ торговыхъ отправленій и вообще всякій разъ, когда промедленіемъ можетъ быть причиненъ тяжкій убытокъ истцу, если при томъ отвѣтчикъ находится въ томъ же городѣ, гдѣ имѣетъ пребываніе окружный судъ, или не далѣе какъ въ десяти-верстномъ отъ него разстояніи, онъ можетъ быть вызванъ въ самый день предъявленія на него иска, съ назначеніемъ его сроку съ часа на часъ.

2) Къ хожденію по дѣламъ торговымъ, сверхъ присяжныхъ повѣренныхъ и лицъ поименованныхъ въ ст. 380 учрежд. суд. устан. 1864 г. допускаются бухгалтеры, кассиры и вообще лица состоящія при конторахъ истца и отвѣтчика.

3) Купеческія конторскія книги, если онѣ ведены по установленнымъ правиламъ и съ надлежащею исправностью, служатъ доказательствомъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся товарной и и вексельной торговли, денежныхъ займовъ и другихъ торговыхъ обязательствъ, обыкновенно вносимыхъ въ сіи книги.

4) Купеческія книги имѣютъ силу доказательства между купцами взаимно, когда внесенныя въ оныя статьи, составляющія предметъ иска, по сравненіи съ книгами отвѣтчика окажутся сходными.

5) Если статьи въ книгахъ одного купца несходны съ статьями въ книгахъ другаго, то такое несходство въ однихъ статьяхъ, нелишаетъ ихъ силы доказательства по другимъ

статьямъ сходнымъ; по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное.

6) Сила доказательства купеческихъ книгъ въ дѣлахъ торговыхъ между купцами неограничивается никакимъ срокомъ, кромѣ обыкновенной десятилѣтней давности. Но противъ умершаго купца книги его теряютъ силу доказательства по прошествіи пяти лѣтъ.

7) Торговая записка, при посредствѣ присяжнаго биржеваго маклера заключенная, и обоюдною подписью договаривающихся сторонъ утвержденная служитъ между ними за доказательство сдѣлки, хотя бы по нерадѣнію маклера или по другимъ причинамъ, записка и не была внесена въ маклерскую его книгу.

8) Такую же силу доказательства имѣетъ и доставленная по требованію суда, для справки по дѣлу, за подписью и печатью присяжнаго биржеваго маклера, выписка изъ его книги.

9) При невозможности имѣть удостовѣреніе маклера о торговомъ обязательствѣ, заключенномъ при его посредствѣ, книги его и внесенныя въ нихъ маклерскія записки принимаются въ доказательство по усмотрѣнію суда.

10) Книги маклерскія теряютъ силу доказательства, когда въ нихъ обнаружены будутъ важныя упущенія или злоупотребленія.

11) Въ дѣлахъ торговыхъ судъ можетъ потребовать заключенія свѣдущихъ людей не только по предметамъ, указаннымъ въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, но также во всякомъ случаѣ торговаго спора, требующемъ разъясненія торговыхъ обычаевъ или раскрытія скрытаго или неяснаго смысла торговыхъ сдѣлокъ.

12) Для повѣрки мнѣнія свѣдущихъ людей о существованіи какого-либо торговаго обычая, судъ можетъ потребовать заключенія биржеваго комитета или инаго знакомаго съ сими обычаями установленія.

13) Торговые обычаи, непротиворѣчащіе закону, должны быть принимаемы въ соображеніе при постановленіи рѣшенія.

IV. Порядокъ окончанія дѣлъ, состоящихъ въ производствѣ коммерческихъ судовъ, опредѣляется согласно 62—87 ст. Высочайше утвержденнаго 19 октября 1865 г. положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

V. Особыя обязанности лежащія на нѣкоторыхъ коммерческихъ судахъ, какъ то: по совершенію актовъ, по продажѣ имѣній съ публичнаго торга, по опредѣленію и увольненію маклеровъ, нотаріусовъ, браковщиковъ и аукціонеровъ и по надзору за дѣйствіями сихъ лицъ, по выдачѣ оцѣночныхъ свидѣтельствъ, по наполненію общества торговыхъ козаковъ, по выдачѣ имъ кредитныхъ свидѣтельствъ и другія (ст. 1429—1441, 1475—1493, 1497, 1512—1514 уст. торг.), ко времени закрытія сихъ судовъ передаются другимъ установленіямъ по принадлежности, по соглашенію надлежащихъ министерствъ.

Имѣя затѣмъ въ виду, что обращеніе въ окружные суды всѣхъ дѣлъ вѣдаемыхъ нынѣ коммерческими судами можетъ, особенно въ столицахъ, значительно увеличить занятія окружныхъ судовъ, слѣдуетъ, по мѣрѣ необходимости, усилить составъ судовъ и увеличить число ихъ отдѣленій.

Таковы немногія видоизмѣненія устава гражданскаго судопроизводства 1864 г., которыя необходимо примѣнять къ производству торговыхъ дѣлъ.

Въ заключеніе коммиссія Буткова, доказывая ненужность особыхъ коммерческихъ судовъ, остановилась между прочимъ и на тѣхъ доводахъ, которые обыкновенно приводятъ въ пользу сохраненія коммерческихъ судовъ, а именно во 1-хъ, что наши коммерческіе суды пріобрѣли довѣріе торговаго класса и во 2-хъ, что правильное разрѣшеніе торговыхъ дѣлъ не можетъ быть достигнуто безъ участія лицъ, спеціально знакомыхъ съ торговою частью и потому въ составъ коммерческихъ судовъ должны входить члены по выбору торговаго купечества.

По мнѣнію комиссіи подобные доводы устраняются такого рода соображеніями:

Во 1-хъ, довѣріе торговаго класса къ коммерческимъ судамъ несоставляетъ само по себѣ уважительной причины къ сохраненію ихъ впредь, такъ какъ оно установилось вслѣд-

ствіе сравненія коммерческихъ судовъ съ существовавшими до сихъ поръ судебными мѣстами, а не съ тѣми, которыя образованы по уставамъ 1864 года.

Во 2-хъ, важность участія въ составѣ коммерческаго суда членовъ по выборамъ торгующаго класса значительно преувеличивается противъ дѣйствительнаго ихъ значенія, въ чемъ можно убѣдиться изъ отзывовъ доставленныхъ комиссіи лицами, близко знакомыми съ торговымъ судопроизводствомъ.

Изъ такихъ отзывовъ комиссія вывела то заключеніе, что участіе членовъ избираемыхъ торгующимъ купечествомъ въ составѣ коммерческихъ судовъ неприноситъ пользы. Можно даже сомнѣваться въ томъ—продолжаетъ комиссія — чтобы участіе ихъ было удовлетворительно и по предмету разъясненія членамъ - юристамъ существующихъ въ торговомъ мірѣ обычаевъ. Въ торговлѣ какъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе устанавляется раздѣльность занятій. По каждому роду торговыхъ операцій существуютъ свои обычаи, столь-же мало извѣстные торгующимъ другими отраслями, какъ и всякому постороннему лицу. Трудно даже ожидать, что въ будущемъ на должности членовъ коммерческихъ судовъ будутъ купечествомъ избираемы только дѣйствительно опытные и свѣдущіе въ торговлѣ дѣятели, ибо при замѣчаемомъ у насъ уклоненіи отъ дароваго труда, едва-ли можно разсчитывать на столь удачную перемѣну нынѣшнихъ привычекъ. Если предположитъ даже, что членами будутъ избираемы опытные представители главнѣйшихъ отраслей торговли и промышленности: банкиры, фабриканты, хлѣбные торговцы, лѣсопромышленники и т. п., все же дѣятельность ихъ и вынесенный изъ нея опытъ будутъ такъ различны, что только въ рѣдкихъ случаяхъ всѣ эти лица могутъ совокупно засвидѣтельствовать существованіе того или другаго обычая. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ имъ придется или принимать на вѣру свидѣтельство одного изъ нихъ и имъ руководствоваться, или же прибѣгать для удостовѣренія неизвѣстнаго предмета къ способу употребляемому въ общемъ судопроизводствѣ, т.-е. къ пособію свѣдущихъ людей. Съ другой стороны нельзя

неуказать и на то, что правильныхъ и справедливыхъ рѣшеній можно ожидать только отъ такого суда, въ которомъ по возможности всѣ члены въ равной мѣрѣ способны составить себѣ правильное о дѣлѣ понятіе. Коммерческіе суды при смѣшанномъ составѣ присутствія изъ юристовъ и купцовъ, не могутъ удовлетворить этому условію. Какъ каждый изъ членовъ - купцовъ не будетъ въ состояніи составить себѣ правильное понятіе о всѣхъ существующихъ въ торговомъ мірѣ обычаяхъ, такъ тѣмъ менѣе способны составить ихъ члены юристы, и наоборотъ, члены - купцы почти никогда не будутъ въ состояніи достаточно уяснить себѣ юридическую сторону дѣла. Такимъ образомъ ни въ одномъ рѣшеніи коммерческаго суда нельзя ожидать совокупнаго выраженія мнѣній всѣхъ членовъ его составляющихъ. Во Франціи и въ тѣхъ странахъ, гдѣ дѣйствуютъ кодексы Наполеона, вышеозначенное неудобство устраняется тѣмъ, что все отправленіе торговаго суда отдано въ руки купечества, безъ всякаго участія юристовъ въ составѣ судовъ. Но и во Франціи дорожатъ коммерческими судами по двумъ причинамъ: 1) что всѣ дѣла могутъ вести сами тяжущіеся, тогда какъ въ общихъ судахъ они должны вести ихъ чрезъ стряпчихъ *) и 2) что въ порядкѣ коммерческаго судопроизводства предоставлено прибѣгать къ личному задержанію должника, чего въ общемъ судопроизводствѣ недопускается. Въ другихъ же странахъ — Пруссіи, Голландіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи, Швейцаріи и даже въ Англіи, странѣ исключительно торговой нѣтъ особыхъ коммерческихъ судовъ.

II.

Соображенія, которыя привели коммиссію, бывшую подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Буткова, къ убѣжденію, что въ дальнѣйшемъ сохраненіи коммерческихъ судовъ

*) Приглашеніе собственно адвоката (avocat) для пледированія по французскому уставу необязательно для тяжущихся. Пледировать можетъ тотъ же стряпчій (avoué) безъ котораго нельзя ни начать, ни даже окончить дѣла миромъ.

не представляется необходимости,—согласно порядку, установленному въ Высочайшемъ повелѣніи 11-го января 1865 года объ учрежденіи комиссіи,—сообщены были на заключеніе министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, главно-управляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и Его Императорскаго Высочества намѣстника Кавказскаго, въ вѣдомствѣ коего также находится коммерческій судъ. Сверхъ того министръ финансовъ, съ согласія предсѣдателя комиссіи, передалъ соображенія на предварительное разсмотрѣніе купечества городовъ: С.-Петербурга, Москвы, Одессы и Ростова на Дону. По полученіи замѣчаній отъ всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ, комиссія, на точномъ основаніи помянутаго Высочайшаго повелѣнія должна была уже составить окончательныя свои соображенія и внести ихъ въ Государственный Совѣтъ. Но комиссія непривела къ окончанію начертаннаго ею плана. За полученіемъ отзывовъ на соображенія комиссіи, 14-го января 1871, по Высочайшему повелѣнію, учреждена при министерствѣ юстиціи, подъ предсѣдательствомъ сенатора Фриша, новая комиссія для преобразованія устава коммерческаго судопроизводства.

Назначеніе новой комиссіи, провѣрка всего матеріала, собраннаго предшествующей комиссіей, наконецъ составленіе новаго проекта, на основаніяхъ, какъ мы увидимъ ниже, противоположныхъ предшествующей комиссіи, объясняется, какъ намъ кажется, тѣмъ обстоятельствомъ, что сущность большинства отзывовъ на соображенія комиссіи г. Буткова, заключалась въ томъ, что слѣдуетъ сохранить коммерческіе суды. А потому понятно, что комиссіи г. Буткова неудобно было, вопреки собственному убѣжденію, строить свои окончательныя соображенія о преобразованіи коммерческихъ судовъ, на такого рода отзывахъ, въ справедливости которыхъ не была убѣждена комиссія.

Отзывы лицъ близко знакомыхъ съ производствомъ въ коммерческихъ судахъ распались на двѣ группы. Одна *), согла-

*) Отъ коммерческихъ судовъ: Архангельска, земли Войска Донскаго,

шаясь вполнѣ съ мнѣніемъ комиссіи, что нѣтъ надобности въ изданіи особаго устава торговаго судопроизводства и въ сохраненіи существующихъ коммерческихъ судовъ на будущее время, такъ какъ они, при существованіи устава 26-го ноября 1864 г., отжили свой вѣкъ,—полагала однако дополнить начертанныя комиссіею правила, законоположеніями въ отношеніи окончательнаго рѣшенія торговыхъ дѣлъ на опредѣленную сумму въ первой степени суда, въ отношеніи начатія торговыхъ исковъ словеснымъ заявленіемъ, въ отношеніи мѣстожительства тяжущихся (ст. 1536), въ отношеніи задержанія отвѣтчика для пресѣченія возможности скрыться отъ суда, въ отношеніи сокращенія срока на подачу апелляцій и другими несущественными дополненіями. Кромѣ того, въ отзывахъ лицъ этой группы *), сдѣланы возраженія и противъ предположенія комиссіи о допущеніи къ ходатайству по дѣламъ торговымъ бухгалтеровъ, кассировъ и конторщиковъ какъ вообще лицъ вовсе неприготовленныхъ къ адвокатурѣ. Другая группа, раздѣляя мнѣніе комиссіи, что нѣтъ надобности въ изданіи особаго торговаго устава, а слѣдуетъ примѣнить уставъ гражд. судопроизводства 1864 г. только съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями,—полагала однако вполнѣ сохранить коммерческіе суды, какъ отдѣльные спеціальные суды, заслужившіе довѣріе купечества не потому только, что они были устроены лучше, нежели прежнія судебныя установленія, а потому еще, что торговое сословіе находило въ ихъ рѣшеніяхъ осуществленіе своихъ понятій о правдѣ и правосудіи. И дѣйствительно во главѣ этой группы стоитъ не только петербургское и московское купечество, но и купечество тѣхъ городовъ, откуда послѣдовали отзывы за закрытіе коммерческихъ судовъ. Впрочемъ купечество, высказавшись за сохраненіе коммерческихъ судовъ, прежде всего поспѣшило заявить, „что если-бы съ упраздне-

Тифлисскаго, Бессарабскаго и Таганрогскаго. Впрочемъ купечество этихъ городовъ высказалось за сохраненіе коммерческихъ судовъ.

*) Присяжнаго стряпчаго Бессарабскаго коммерческаго суда, г. Кохманскаго.

ніемъ коммерческихъ судовъ сопряжены были интересы обще-государственные, требовавшіе отмѣны сословныхъ привилегій и преимуществъ, то не могло бы быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что купечество, съ всегдашнею и искреннею готовностью соревнуя усердію къ общему благу, почло-бы своимъ священнымъ долгомъ принести эти привилегіи и преимущества въ жертву спасительнымъ преобразованіямъ, ведущимъ Россію по пути нравственнаго и матеріальнаго преуспѣянія." Но въ этомъ дѣлѣ нѣтъ и тѣни характера сословности, потому что промышленная торговая или финансовая дѣятельность не есть исключительная принадлежность какого-либо сословія: она открыта нынѣ для всѣхъ гражданъ.

„Вопросъ — продолжаетъ купечество—касается не сословности дѣятеля, а собственно особыхъ родовъ, спеціальностей его объективной дѣятельности, спеціальностей, которыя благодаря настоящему ходу умственнаго нашего развитія, получили въ послѣднее время въ понятіяхъ образованнаго большинства Россіи полное значеніе главныхъ двигателей ея обще-экономическаго, гражданскаго механизма, слѣдовательно и главныхъ условій ея общаго благосостоянія."

Устранивъ сословное притязаніе въ защиту коммерческихъ судовъ, купечество доказываетъ необходимость ихъ существованія тѣмъ, что торговое право, путемъ развитія экономической дѣятельности народа и увеличенія международныхъ торговыхъ сношеній силою наплыва иностранныхъ юридическихъ воззрѣній, носитъ на себѣ *космополитическій* характеръ, вслѣдствіе чего и не можетъ быть включено въ узкіе предѣлы положительныхъ кодексовъ общегражданскаго права, права проникнутаго по преимуществу національнымъ характеромъ. Въ виду такого характера торговаго права понятно какую роль въ рѣшеніяхъ коммерческихъ судовъ должны играть торговые обычаи. „Они главные и единственные факторы, точно обусловливающіе юридическія отношенія торговыхъ дѣятелей и притомъ факторы, которыхъ значеніе непроизвольно, а установляется ихъ раціональностью, ихъ совершеннымъ согласованіемъ съ внутреннимъ духомъ каждаго торговаго дѣла, ихъ общеупотребительностью и нако-

нецъ общеобязательностью для всей торговой сферы данной мѣстности." Кто же можетъ примѣнять къ дѣлу торговые обычаи? спрашиваетъ купечество. Конечно только судьи-спеціалисты, только люди вращающіеся въ торговой сферѣ, только люди собственнымъ опытомъ, на свой счетъ и рискъ имѣвшіе случай провѣрить всю незыблемость юридическаго значенія и всю неизсякаемость практическаго примѣненія торговыхъ обычаевъ.

Изъ этой второй группы *) и образована была комиссія при министерствѣ юстиціи, составившая проектъ устава торговаго судопроизводства.

По этому проекту комиссія допускаетъ отдѣльное существованіе торговыхъ судовъ, въ видѣ особыхъ установленій и учрежденіе при нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ торговыхъ отдѣленій съ участіемъ какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ членовъ отъ купечества и членовъ юристовъ, по назначенію отъ правительства.

Къ такимъ выводамъ комиссія пришла послѣ всесторонняго разсмотрѣнія мнѣній, высказанныхъ за и противъ существованія коммерческихъ судовъ. По мнѣнію комиссіи уничтожать извѣстное учрежденіе можно только въ томъ случаѣ, когда практика обнаружитъ существенные въ немъ недостатки, которые не могутъ быть устранены и когда при томъ есть полное основаніе предполагать, что новое учрежденіе будетъ дѣйствовать гораздо лучше прежняго. Если

---

*) Предсѣдатель сенаторъ Фришъ; члены отъ министерства юстиціи: сенаторъ Мотовиловъ, и. д. оберъ-прокурора Книримъ, членъ консультаціи Рѣпинскій и и. д. предсѣдателя коммерческ. суда Туръ; отъ II отд. соб. Его Императорскаго Величества канцеляріи: Маркусъ и Головинъ; отъ министерства финансовъ вице-директоръ департ. мануфактуръ Ермаковъ и два представителя отъ купечества: предсѣдатель С.-Петербургскаго биржеваго комитета Золотаревъ и старшина московск. биржеваго комитета Найденовъ. Кромѣ того предсѣдателемъ приглашены были: присяжный повѣренный Деппъ и юрисконсультъ Граве. Дѣлопроизводствомъ занимались Свѣчинскій и Фроловъ. Гг. Фришъ, Мотовиловъ, Книримъ и Туръ на соображенія комиссіи Буткова представили своевременно отзывы въ томъ смыслѣ, что коммерческіе суды слѣдуетъ сохранить какъ спеціальные суды для торговыхъ дѣлъ.

вмѣсто того, чтобы основываться на оказавшихся въ практикѣ недостаткахъ извѣстнаго учрежденія, задавать себѣ вопросы о томъ: есть-ли основаніе къ дальнѣйшему существованію учрежденія; уважительны-ли тѣ доводы, которые приводятъ въ его защиту; нѣтъ-ли въ учрежденіи такихъ недостатковъ, которые должны имѣть своимъ послѣдствіемъ неудовлетворительность его дѣйствій и проч., то подобный пріемъ необходимо повлечетъ за собою неизбѣжныя ошибки. Иногда можетъ казаться, что учрежденіе не имѣетъ разумнаго основанія къ своему существованію; что легко опровергнуть тѣ, иногда неосновательные или недостаточные доводы, которые приводятъ защитники этого учрежденія, и тѣмъ не менѣе учрежденіе это можетъ быть въ высшей степени необходимо и полезно и уничтоженіе его можетъ быть сопряжено съ важными неудобствами. Вслѣдствіе сего, вмѣсто вопроса—слѣдуетъ-ли сохранить коммерческіе суды? должно поставить другой вопросъ: есть-ли достаточное основаніе уничтожить существующіе нынѣ коммерческіе суды? Что коммерческіе суды достигаютъ своей цѣли, это доказывается отзывами лицъ, которыя призваны были высказать свои мнѣнія по настоящему вопросу и изъ нихъ 18 изъ 28 прямо свидѣтельствуютъ о необходимости отдѣльнаго существованія торговыхъ судовъ. Кромѣ того, торговое сословіе питаетъ къ нимъ полное довѣріе. А коммерческіе суды и учреждены въ интересахъ торговыхъ лицъ. Но если должны существовать коммерческіе суды, то каковъ долженъ быть ихъ составъ? Смѣшанный, изъ членовъ-юристовъ и членовъ-купцовъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ въ большемъ количествѣ. При чемъ члены-юристы назначаются отъ правительства, а члены-купцы по выбору. Коммиссія полагаетъ что для уясненія фактической стороны дѣла, спорнаго торговаго обычая положеннаго въ основу той или другой торговой сдѣлки, съ полною основательностью можетъ служить „торговый судья", — отъ котораго требуется только надлежащій здравый смыслъ, знакомство съ торговымъ обычаемъ и честность. Что-же касается до примѣненія къ обстоятельствамъ даннаго дѣла закона, мотивированія самаго рѣшенія, для

этого необходимо и юридическое образованіе и спеціальная по судебной части опытность и это можетъ выполнить только судья - юристъ. За тѣмъ комиссія остановилась на вопросѣ: непредставляется-ли возможнымъ соединить коммерческіе суды съ окружными судами такъ, чтобы торговыя дѣла разсматривались въ особыхъ отдѣленіяхъ съ участіемъ купцовъ? Такое соединеніе—по мнѣнію комиссіи—желательно только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ число торговыхъ дѣлъ незначительно. Что касается до центральныхъ торговыхъ мѣстъ, то соединеніе коммерческихъ судовъ съ окружными поведетъ къ невозможности со стороны предсѣдателей управлять всѣмъ судомъ и имѣть дѣйствительный надзоръ за точнымъ исполненіемъ должностными лицами своихъ обязанностей въ отношеніи къ правильному теченію дѣлъ. Кромѣ того, при подобномъ соединеніи члены-купцы въ виду многочисленности судей изъ юристовъ чувствовали-бы себя не въ своей средѣ, сознавали-бы себя чуждыми тому суду, къ которому принадлежатъ. Наконецъ есть города (напр. Керчь) гдѣ интересы торговли настоятельно требуютъ сохраненія коммерческихъ судовъ и въ которыхъ неучреждено окружныхъ судовъ.

Признавъ совмѣстное существованіе отдѣльныхъ торговыхъ судовъ и торговыхъ отдѣленій *) при окружныхъ судахъ и проектировавъ вторую инстанцію торговаго суда въ видѣ отдѣльнаго отъ общихъ судовъ установленія подъ названіемъ *Торговой Судебной Палаты*, какъ такого установленія, которое провѣряетъ правильность взгляда 1-й инстанціи на значеніе той или другой торговой сдѣлки, того или другаго торговаго обычая или пріема употребительнаго въ торговлѣ,—комиссія признала необходимымъ въ составъ ея включить какъ членовъ юристовъ, такъ и членовъ купцовъ, какъ представителей торговаго обычнаго права. Существованіе отдѣльной торговой палаты, комиссія поддерживаетъ тѣмъ во 1-хъ, что нынѣ дѣйствующій, въ качествѣ второй инстан-

*) Они могутъ быть учреждены только по ходатайству мѣстнаго купечества.

ціи правительствующій сенатъ, вслѣдствіе незнанія торговыхъ порядковъ, часто измѣнялъ рѣшенія коммерческихъ судовъ, основанныя на убѣжденіи судей специалистовъ и всего мѣстнаго купечества и даже парализировалъ попытки основывать рѣшеніе дѣлъ на торговыхъ обычаяхъ; во 2-хъ, подчиненіе коммерческихъ судовъ судебнымъ палатамъ, повлекло бы за собою медленность въ производствѣ торговыхъ дѣлъ, ибо въ настоящее время дѣла въ палатахъ рѣшаются весьма медленно: рѣдкое дѣло дождется своей очереди раньше полугода, а многія лежатъ и болѣе года безъ движенія, несмотря на постоянныя ходатайства сторонъ о скорѣйшемъ ихъ разсмотрѣніи и единственнымъ средствомъ для избѣжанія медленности въ разрѣшеніи торговыхъ дѣлъ во 2-й инстанціи представляется учрежденіе особой торговой судебной палаты— и въ 3-хъ недостатокъ лицъ близко знакомыхъ съ торговымъ правомъ, заставляетъ учредить торговую судебную палату, въ которую можно было-бы назначить изъ числа служившихъ уже въ коммерческихъ судахъ такихъ юристовъ, которые хорошо знаютъ торговое право. Относительно вопроса о мѣстѣ, въ которомъ должна быть учреждена судебная палата, а также о томъ не слѣдуетъ-ли учредить нѣсколько торговыхъ судебныхъ палатъ, комиссія склонилась къ тому мнѣнію, что слѣдуетъ учредить одну палату, именно въ С.-Петербургѣ, какъ торговомъ центрѣ и при томъ не только по внутренней торговлѣ, но и по заграничной; кромѣ того Петербургъ, участвуя и въ морской торговлѣ, представляетъ возможность найти въ средѣ купцовъ въ немъ жительствующихъ, такихъ лицъ, которыя знакомы съ особенностями морской торговли и морскаго торговаго права; если-же открыть нѣсколько палатъ, то едва-ли возможно будетъ пріискать лицъ знающихъ торговое право. Учрежденіе единственной на всю Россію торговой судебной палаты, образованной изъ лицъ уже пріобрѣвшихъ значительную опытность въ торговыхъ дѣлахъ и хорошо изучившихъ торговое право, будетъ имѣть—по мнѣнію комиссіи—еще и ту огромную выгоду, что посредствомъ печатанія своихъ рѣшеній палата введетъ правильную единообразную практику во

всѣхъ торговыхъ судахъ имперіи; такая палата можетъ имѣть для Россіи то же значеніе, какое имѣетъ лейпцигскій высшій торговый судъ для Германіи. Что касается до возможности замедленія дѣлъ вслѣдствіе пересылки по апелляціи въ С.-Петербургъ, то это устраняется нынѣшнимъ развитіемъ въ Россіи желѣзнодорожной сѣти, при которой пересылка дѣлъ не можетъ представить особыхъ затрудненій. Въ проектируемую судебную палату будутъ вноситься апелляціонныя жалобы по искамъ, цѣна коихъ превышаетъ 3000 рублей; по дѣламъ же рѣшаемымъ торговыми судами безъ права апелляціи (по искамъ цѣнною ниже 3000 р.), допускаются просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній (ср. 792 ст. уст. гр. суд.). Въ палату же вносятся и просьбы третьихъ лицъ, неучаствующихъ въ дѣлѣ, объ отмѣнѣ вошедшаго въ законную силу рѣшенія торговаго суда. Просьбы же о кассаціи рѣшеній торговой судебной палаты допускаются лишь въ случаѣ нарушенія обрядовъ и формъ судопроизводства столь существенныхъ, что вслѣдствіе несоблюденія ихъ невозможно признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія.

При торговыхъ судахъ и торговой судебной палатѣ для исполненія дѣйствій, опредѣленныхъ правилами торговаго судопроизводства, состоитъ опредѣленное штатами число судебныхъ приставовъ.

Для веденія же дѣлъ въ торговыхъ судахъ и палатѣ проектъ установляетъ присяжныхъ стряпчихъ, которые подчиняются правиламъ, установленнымъ для присяжныхъ повѣренныхъ съ нѣкоторыми изъятіями. Для поступленія въ число присяжныхъ стряпчихъ вмѣсто пятилѣтней судебной практики и 25-лѣтняго возраста требуется двухъ-лѣтняя практика на службѣ по судебному вѣдомству въ качествѣ или помощника присяжнаго повѣреннаго, или помощника присяжнаго стряпчаго. Нахожденіе лица на службѣ въ качествѣ преподавателя юридическихъ наукъ не служитъ препятствіемъ къ поступленію въ число присяжныхъ стряпчихъ.

Кромѣ присяжныхъ стряпчихъ допускаются къ ходатайству: 1) родители, супруги и дѣти тяжущихся; 2) ихъ полные товарищи и состоящіе съ ними въ одномъ купеческомъ капи-

талѣ; 3) лица, имѣющія общую съ ними тяжбу; 4) прикащики, завѣдывающіе ихъ дѣлами по общей довѣренности; 5) по дѣламъ акціонерныхъ обществъ—лица уполномоченныя правленіями сихъ обществъ общею довѣренностью на ходатайство по дѣламъ и 6) присяжные повѣренные.

Наконецъ въ торговыхъ судахъ, при которыхъ состоитъ менѣе 10 присяжныхъ стряпчихъ, если притомъ въ мѣстѣ нахожденія сихъ судовъ имѣютъ жительство менѣе 10 присяжныхъ повѣренныхъ, допускаются къ ходатайству по чужимъ дѣламъ и *присяжные ходатаи*. Въ число этихъ ходатаевъ принимаются лица, достигшія совершеннолѣтія и выдержавшія при торговомъ судѣ испытаніе въ знаніи гражданскихъ и торговыхъ законовъ и судопроизводства и въ умѣньи правильно и ясно излагать на русскомъ языкѣ свои мысли, на словахъ и на письмѣ.

Л. Ф. Снегиревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОПРОСЪ

О СУБЪЕКТАХЪ И ОБЪЕКТАХЪ ПРАВА.

У насъ въ обществѣ стало кажется обычаемъ, чтобы предсѣдатель, въ день годовщины утвержденія Московскаго Юридическаго Общества, представилъ засѣданію какой-либо теоретическій вопросъ для обсужденія. Ожидая съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ, считаю приличнымъ въ десятую годовщину Общества, предложить вопросъ относительно основнаго ученія о субъектахъ и объектахъ права, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ вяжется съ другимъ вопросомъ объ основномъ источникѣ права, помѣщеннымъ въ 1 кн. нашего «Вѣстника» за 1873 годъ.

Въ основу нашего изложенія полагаемъ ученіе пандектистовъ, и именно ученіе берлинскаго профессора Бàрона, въ его «Pandecten 1872, на которыя такъ часто я указывалъ въ разныхъ своихъ статьяхъ, на страницахъ «Вѣстника». Бàронъ говоритъ, стр. 37—39, что право есть господство, предоставленное закономъ извѣстному лицу надъ извѣстнымъ предметомъ,—что этимъ предметомъ можетъ быть и само лицо, съ его бытіемъ, свободою, честію, и все окружающее, но отличающееся отъ лица, а именно: матеріальныя вещи и другія лица. Отсюда выводитъ Бàронъ различіе между вещнымъ, имущественнымъ правомъ, и личнымъ, напр. семейственнымъ, равно какъ различіе между собственно вещнымъ и обязательственнымъ, договорнымъ, объявляя предметомъ договорнаго права — лицо и его дѣйствія, Leistung einer Handlung, стало быть, буквально, совершеніе извѣстнаго

дѣйствія. Ясно, что и вещь и чужое дѣйствіе, по Барону, объекты права, въ отличіе отъ лица, субъекта.

Переходя за симъ къ ученію о субъектахъ права, Баронъ говоритъ, стр. 41, что субъектомъ права бываетъ собственно человѣкъ, лицо, и затѣмъ, подмѣняя слово: человѣкъ словомъ: лицо, онъ раздѣляетъ понятіе субъекта на виды, именно на лицо физическое, существенное, и на лицо юридическое, на фикцію, состоящую изъ физическихъ лицъ, но отъ нихъ не зависящую, каковы напр. корпораціи, учрежденія, живущія, существующія, дѣйствующія независимо отъ смѣны физическихъ лицъ, ихъ выхода, входа, или смерти. Все это доказывается ссылками на источники римскаго права.

Объектомъ по Барону, стр. 80 и слѣд., служитъ вещь, res, отдѣльная, объособленная, имѣющая цѣну, согласно источникамъ римскаго права, а потому безъ дальнѣйшаго уясненія, откуда отдѣляется вещь цѣнная и откуда вещь получаетъ цѣну, или цѣнность и почему къ ней можно приравнять дѣйствіе другаго лица, по положенію, высказанному Барономъ на стр. 39, β?

Не съ источниковъ римскаго права должно кажется дѣлать теперь починъ въ ученіи о субъектахъ и объектахъ права, а съ законовъ мышленія и съ положеній философіи, съ которою право имѣетъ такую органическую, родственную связь. Изъ философіи же извѣстно, что субъектъ отличается отъ объекта тѣмъ, что субъектъ является сознательнымъ, мыслящимъ, дѣйствующимъ, а объектъ, какъ его противоположность, безсознательнымъ, мыслимымъ, страдательнымъ, или пассивнымъ, совершенно также, какъ въ правѣ, которое отъ субъекта требуетъ сознанія, мышленія, и дѣйствія на объектъ, безсознательный, только мыслимый, только подлежащій дѣйствію. Субъектъ права не существомъ своимъ отличается отъ субъекта мышленія, а силою, энергіею своего дѣйствія, переходящаго изъ области духа въ міръ внѣшній, и становящагося причиною внѣшнихъ явленій. Очевидно, что такимъ субъектомъ права можетъ быть только человѣкъ, но всякій человѣкъ, отъ господина до раба включительно, или, что

рабства въ человѣчествѣ не должно быть, хотя его допускаютъ источники римскаго права.

Всякій человѣкъ, но отдѣльно взятый, говорятъ пандектисты; и частію потому называемый у нихъ лицомъ, въ смыслѣ особи естественной исторіи. Но мы знаемъ, что отдѣльный человѣкъ, самъ отъ себя ни развиться, ни явиться, ни жить не можетъ. Обособить человѣка и уединить его, на дѣлѣ, значитъ осудить на лишенія, на страданія, на смерть. Стоитъ матери бросить дитя свое, чтобы оно исчезло въ мученіяхъ, какъ-то было при expositio liberorum, отмѣненномъ при императорѣ Константинѣ. Посему естественное состояніе человѣка—не особность, а общественность и жизнь въ семьѣ, въ общинѣ, въ народѣ, въ обществѣ. Безъ семьи, ни родиться, ни существовать человѣкъ не можетъ; внѣ общины, у него не будетъ ни крова, ни мѣста жительства; внѣ народа и общества, онъ будетъ дикимъ варваромъ. Отдѣльность человѣка и его особность—дѣло отвлеченія; индивидуализмъ—его горе. Индивидуализмъ, уступая началу: divide et impera, служилъ основою для рабства Египтянъ,—для господства государственности надъ лицомъ въ античномъ мірѣ,—для феодализма и рабства въ средніе вѣка,—для вопроса о рабочихъ и пауперизмѣ въ Западной Европѣ, вообще для такихъ явленій, противъ которыхъ, какъ и противъ всякаго зла и врага, у человѣчества одно близкое и могущественное средство—общественность, общество, взаимная круговая помощь.

Поэтому, говоря о субъектахъ права, нельзя умалчивать объ обществахъ. Народъ дѣйствуетъ то въ разсыпную—индивидуальною работою, то сомкнувшись въ плотныя массы—общественнымъ трудомъ. Таковъ образъ прогресса. Пандектисты нашли даже въ своихъ источникахъ основанія для этого послѣдняго субъекта; только ихъ ученіе получило тутъ не надлежащее направленіе. Начиная съ понятія лица физическаго, они видѣли въ обществахъ такое же искусственное расширеніе, какъ въ рабствѣ искусственное съуженіе понятія лица, и стало самое понятіе о субъектѣ права чѣмъ-то произвольнымъ. Баронъ, въ отдѣлѣ о лицахъ юридическихъ, стр. 66 и слѣд., гово-

рить, что вообще человѣкъ произвольно распоряжается тѣми цѣлями, для которыхъ частные права его служатъ средствами; но есть цѣли, переживающія отдѣльныхъ людей,— независящія отъ ихъ произвола,—нуждающіяся также въ имуществахъ, которые по самостоятельности цѣли, управляются во имя и въ пользу этихъ цѣлей, а не въ пользу отдѣльныхъ людей. Такая цѣль представляется также лицомъ, но юридическимъ, вымышленнымъ, фиктивнымъ, фикціею, куда Баронъ причисляетъ: государство и казну,— политическіе союзы, напр. общины,—отдѣленія войскъ, напр. лагіоны,— союзы чиновъ гражданскихъ, напр. писцовъ, декуріоновъ,— промысловые союзы, напр. цехи и коллегіи ремесленниковъ, учрежденія для дѣлъ богоугодныхъ, и т. д., все документально на основаніи источниковъ римскаго права.

Итакъ все это—фикціи, по крайней мѣрѣ, цѣли независимыя и потому имѣющія значеніе субъектовъ, хотя въ нихъ не предполагается ни того сознанія, ни той воли, ни того мышленія, которыми отличаются субъекты права. Какія бы цѣли ни указали вы человѣку, все же онъ разсматриваетъ ихъ какъ объекты своего мышленія, своей воли, своихъ дѣйствій, а тутъ совершенно наоборотъ, цѣли становятся не зависящими отъ физическихъ лицъ, настоящихъ субъектовъ, и даже какъ цѣли, требующими извѣстныхъ дѣйствій и услугъ отъ физическихъ лицъ, претворяя ихъ въ свои объекты. Что же это за фикціи? Что это за цѣли? Нѣтъ, надо пока оставить источники въ покоѣ и посмотрѣть на дѣло со стороны общей человѣческой жизни.

Начиная не съ понятія лица, которое въ его отдѣльности, или особности, есть скорѣе фикція, чѣмъ живое существо,— начиная не съ лица, а съ человѣка и его значенія, какъ субъекта, мы найдемъ, что въ дѣйствительности существуютъ отдѣльные люди и ихъ естественныя, необходимыя соединенія—человѣческія общества, семья, община, народъ, церковь, земство, государство, столь же разумныя, мыслящія, свободныя существа, какъ отдѣльные люди и столько же реальныя какъ физическія лица. Мы сказали, что естественное положеніе человѣка—общественность, и что внѣ общества чело-

вѣкъ жить не можетъ; теперь же прибавимъ, что самое значеніе его, какъ дѣйствительнаго субъекта, получаетъ отдѣльный человѣкъ отъ общества. Въ человѣческомъ обществѣ, начиная съ брака, столь общественнаго и правоваго учрежденія, постоянно опредѣляется правовое значеніе человѣка зачатаго, или рожденнаго,—мущины и женщины,—родителя и сына,—человѣка въ томъ или другомъ возрастѣ,—въ томъ или другомъ состояніи здоровья, чести и т. д. Оттого самое рожденіе вызываетъ записку въ книги, присутствіе служителя церкви, часто разныхъ свидѣтелей, помѣщеніе событія въ газетахъ, иногда присутствіе канцлеровъ государства и министровъ и т. д. Однимъ словомъ все разнообразіе сторонъ, съ которыхъ смотритъ наука на субъектъ, дано и опредѣлено обществомъ, его жизнію, его исторіею, его умственнымъ и вообще духовнымъ развитіемъ. Такъ въ Римѣ, какъ во всемъ классическомъ античномъ мірѣ, по господству исключительной національности, всѣ иностранцы были варвары и враги, противъ которыхъ aeternum bellum et aeterma auctoritas, и такъ какъ рабы, естественно, первоначально произошли изъ побѣжденныхъ варваровъ, то они не были почитаемы лицами, personae, хотя конечно были признаваемы за людей. Лицомъ въ Римѣ былъ только гражданинъ и свободный римлянинъ. Понятно, что когда лицо не обнимало собою всей естественной, философской идеи о субъектѣ, и въ наше время считается искусственнымъ съуженіемъ понятія лица, хотя на дѣлѣ, это полная несправедливость, грубое нарушеніе правъ человѣка. Короче, мы имѣемъ право настаивать на томъ, чтобы отвлеченное выраженіе: лицо было отнынѣ замѣнено словомъ: отдѣльный человѣкъ, для истиннаго обозначенія субъекта права. Но въ такомъ случаѣ, необходимо послѣдовать за судьбою человѣка, и признать субъектомъ права какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всякое естественное, человѣческое общество, отъ брака и семьи до народа, церкви, земства и государства.

Естественное, человѣческое, т.-е. по нашей природѣ нами образуемое общество отличается отъ соединеній произвольныхъ, на договорѣ основанныхъ, напр. товарищества, артели,

компаніи, фирмы, равно какъ отъ соединеній политическихъ, сословныхъ, дворянства, духовенства, купечества, крестьянства. Естественное человѣческое общество отличается отъ названныхъ соединеній и обществъ тѣмъ, что оно обнимаетъ человѣка вполнѣ, образуя собою соединеніе людей съ цѣлію полнаго человѣческаго развитія отдѣльныхъ людей, своихъ членовъ; тогда какъ договорныя имѣютъ въ виду достиженіе извѣстныхъ, опредѣленныхъ, преимущественно матеріальныхъ цѣлей, а политическія служатъ къ развитію своихъ членовъ въ извѣстномъ одномъ направленіи жизни, въ такъ называемомъ образѣ жизни и дѣятельности сословной. Жизнь естественныхъ обществъ ни въ чемъ не зависитъ отъ произвола своихъ членовъ, а напротивъ сама вызываетъ и опредѣляетъ извѣстныя дѣйствія этихъ членотъ, подчиняя ихъ своей идеѣ, или своей цѣли, но при ихъ участіи, сохраняя за ними достоинство субъектовъ.

Итакъ субъектами права бываютъ только субъекты мышленія, а именно: 1) отдѣльные люди и 2) общества, столь же разумные существа и столь же реальные, какъ отдѣльные лица,—не фикціи. Обращаясь за симъ къ вопросу о субъектахъ частнаго права, должно признать, что не всѣ общества входятъ и помѣщаются въ его предѣлахъ, т.-е. въ сферѣ имуществъ. Несомнѣнно одно, что общества естественныя, общечеловѣческія, каковы браки, семьи, общины, земства, народъ, церковь и государство должны бытъ выведены изъ области ученія частнаго права, потому что они слишкомъ широки для сферы имуществъ, обнимая собою всего человѣка. Они субъекты, но не частнаго, а общественнаго права, тогда какъ въ область частнаго могутъ быть вносимы изъ обществъ: 1) договорныя и 2) политическія, именно со стороны своего экономическаго быта, или со стороны имуществъ. Имѣютъ имущества и естественныя общества, но такія имущества, которыя составляютъ особый объектъ ихъ особаго права. Это—ихъ учрежденія, напр. piae causae, или res divinae Рима, въ наше время столь разнообразныя, по различію обществъ, но во всякомъ случаѣ составляющія объекты обществъ, а не самостоятельныя субъ-

екты. Въ теоріи обществъ, какъ субъектовъ частнаго права, у пандектистовъ господствуетъ большое смѣшеніе, какъ-то видно изъ вычисленія юридич. лицъ Барона, гдѣ на одной плоскости поставлены и государство и цехъ, и общины и легіоны, и корпораціи и учрежденія, но особенно это видно изъ статьи, говорящей о правахъ юридич. лицъ и упоминающей о конституціи однихъ и политическихъ правахъ другихъ обществъ, безъ объясненія того, почему одни изъ юридическихъ лицъ имѣютъ свою организацію, или конституцію, а другія лишены ея,—или почему тѣ, а не другія и не всѣ обладаютъ политическими правами, и въ чемъ состоятъ эти политическія права этихъ фикцій? Естественныя, человѣческія общества, какъ дѣйствительныя существа, а не фикціи, должны быть выведены изъ области частнаго права въ сферу общественнаго, и тамъ должны получить особую конструкцію, по самому свойству своихъ объектовъ.

Что касается объекта права, то какъ мы только что замѣтили, учрежденія, Anstalten, piae causae не могутъ быть названы субъектами, а должны войти въ составъ объектовъ общественнаго права. Сами по себѣ, какъ учрежденія, начиная съ семейныхъ, напр. съ античныхъ ларъ и пенатовъ, или нашихъ образовъ и Божія благословенія, до церквей, до школъ, больницъ, богадѣлень по селамъ и городамъ,—сами по себѣ, эти учрежденія зависятъ отъ воли и распоряженія обществъ, стало-быть, сами въ себѣ не имѣютъ аттрибутовъ субъекта, и составляютъ объекты общественнаго права. Отсюда простой выводъ тотъ, что различіе въ объектахъ зависитъ отъ различія въ субъектахъ, и что однимъ словомъ: res, вещь, въ наше время, невозможно обозначить все богатое разнообразіе объектовъ. Въ отличіе отъ субъекта мы должны опредѣлить объектъ вообще мыслимымъ, безсознательнымъ, подлежащимъ дѣйствію субъекта, его мысли и воли, а это равно всей внѣшней природѣ, но ни въ какомъ случаѣ не захватываетъ субъектовъ, мыслимыхъ только въ качествѣ разумныхъ и свободныхъ существъ. И вотъ почему считаю нелогичнымъ ученіе пандектистовъ: 1) относящихъ учрежденія къ субъектамъ и лицамъ; 2) ограничивающихъ понятіе

объекта матеріальною вещію и 3) втискивающихъ даже лицо, или хоть его дѣйствія въ область объектовъ. Оговоривъ выше первое положеніе, здѣсь ограничусь замѣчаніями относительно втораго и третьяго изъ положеній пандектистовъ.

Итакъ прежде всего мнѣ представляется недоказаннымъ и неяснымъ съуженіе объекта права понятіемъ отдѣльной вещи. Отдѣльная вещь должна же быть отъ чего-нибудь отдѣлена; а это что нибудь есть цѣлая страна и природа. Усвояя лицу отдѣльную вещь, какъ объектъ, пандектисты, очевидно, противополагаютъ прямо и непосредственно свое лицо всей природѣ, которая для отдѣльныхъ лицъ слишкомъ могущественна, господствуя даже надъ ихъ жизнію. Нѣтъ, отдѣльныя лица не имѣютъ невозможнаго для нихъ, непосредственнаго отношенія къ природѣ, съ которою изстари, искони ведетъ борьбу цѣлый народъ въ лицѣ своихъ безконечныхъ поколѣній. Народъ окруженъ природою своей страны,— народъ борется съ своимъ климатомъ, своею почвою, съ географическимъ положеніемъ, и для народа служитъ объектомъ вся окружающая его природа, въ размѣрѣ занимаемой имъ страны. Поэтому народу принадлежитъ и земля и воздухъ и моря и горы и тундры и руды и онъ одинъ можетъ дать средства для отдѣльныхъ лицъ ту—другую вещь выдѣлить изъ стихійнаго бытія, обособить, индивидуализовать и усвоить. Такимъ образомъ объектомъ права должно признать всю неразумную природу, съ тѣмъ, что какъ природа, въ ея полнотѣ, она составитъ объектъ права народа, или человѣческихъ обществъ, а какъ отдѣльныя вещи, объектъ частныхъ лицъ. Но при этомъ опять является участіе общества, которое одно можетъ сообщить вещи опредѣленность въ мѣрѣ, вѣсѣ, числѣ и особенно въ цѣнѣ и цѣнности. Золото и серебро, брилліанты и дорогіе камни только чрезъ общество, только въ обществѣ пріобрѣтаютъ значеніе цѣнностей; но еще очевиднѣе зависимость отъ общества такихъ цѣнностей, какъ деньги и ихъ знаки, бумаги, кредитки и т. д. Такъ, что самое богатство частныхъ лицъ можетъ быть выражено и можетъ состоять въ деньгахъ и бумагахъ, тогда какъ для народовъ—деньги и бумаги не имѣютъ значенія

богатства. Чувствуется, что объекты частнаго права имѣютъ производный, зависимый характеръ, подчиняясь дѣятельности, творчеству и опредѣленію общества, особенно въ формѣ разныхъ публичныхъ актовъ, для установленія судьбы объектовъ,—ихъ пріобрѣтенія, перехода и даже для ихъ созданія, и до такой степени, что напр. въ наше время уже весьма много res incorporales входятъ въ составъ объектовъ права, откуда объясняется современная литературная, художественная, промышленная собственность, состоящая въ исключительномъ, но срочномъ правѣ автора, или изобрѣтателя издавать въ свѣтъ осуществленные имъ образы, мысли, пріемы, планы. И при этомъ, очевидно, дается преимущество мысли предъ ея исполненіемъ, и на вопросъ: кто построилъ Петербургъ, отвѣчаютъ: Петръ Великій, забывая про массу рабочихъ Однимъ словомъ, въ частномъ правѣ, объектомъ должно считать все, совершаемое во внѣ по мысли субъекта, лица, изъ даннаго народомъ вещества, или всякое осуществленіе нашей мысли въ словѣ, въ письмѣ, въ образѣ, въ вещи. Но только не волю, или дѣйствія лица, субъекта.

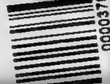
Въ обязательственномъ правѣ, говоритъ Баронъ, объектомъ права кредитора служатъ дѣйствія должника. По договору, кредиторъ имѣетъ власть требовать отъ должника исполненія, или совершенія извѣстнаго дѣйствія. Не думаю, чтобы тутъ теорія пандектъ была права. Если наша свобода, или воля можетъ быть и зла и преступна, такъ что безъ свободы дѣйствія нѣтъ преступленія; то тѣмъ менѣе можетъ моя свобода и воля стѣсняться договоромъ. Не даешь слова, крѣпись, а даешь держись, не значитъ, чтобы я не могъ не исполнить самаго формальнаго обѣщанія, или договора, въ области частнаго права. За все-про-все отвѣчаетъ мое имущество, и если я не плачу долга, не выдаю чужой вещи, не отдаю земли въ обѣщанную аренду, не передаю запроданнаго дома,—за все за это я поплачусь вознагражденіемъ, деньгами, имуществомъ, объектами моего права, но не буду противъ воли принужденъ къ извѣстному дѣйствію, не буду лишенъ свободы и воли, не буду обращенъ въ область объектовъ. Laesio enormis даже у Римлянъ считалось обстоя-

тельствомъ, узаконявшимъ прекращеніе договора; почему же открытая рабочимъ невыгода условій, по его разсчетамъ и быту, можетъ быть весьма большая, enormis, не должна быть принимаема во вниманіе, и его можно принуждать къ исполненію дѣйствій, противныхъ его воззрѣнію на работу и заработокъ? Въ Римѣ господствовало рабство, служившее для юридической мысли легкимъ переходомъ къ воззрѣнію на договоръ, какъ на vinculum, nexum. Въ нашихъ современныхъ обществахъ господствуетъ другое начало, и мы не должны выпускать изъ виду, что при свободѣ отношеній, должно дѣйствовать начало равенства выгодъ, и что не даромъ законы Европы на себя приняли задачу договоровъ и сами установляютъ отношенія между рабочими и хозяевами посредствомъ своихъ общихъ предписаній.

Поднимая вопросъ о субъектахъ и объектахъ права, мы имѣли между прочимъ въ виду особое значеніе, которое въ наше время стали придавать и обществамъ, каковы церковь, земство, общины и т. д., и землѣ напр. въ Ирландіи, Англіи и т. д. и упомянутымъ законамъ о рабочихъ въ цѣлой Европѣ. Кажется, настаетъ время для критическаго пересмотра всѣхъ самыхъ, повидимому, избитыхъ школьныхъ положеній права. Всасываемыя съ молоду, школьныя положенія часто оказываютъ громадное вліяніе на судъ, законодательство и судьбу страны. Не настаетъ ли время связать разныя ученія школы съ требованіями окружающей жизни, съ бытомъ, устройствомъ и природою страны и общества? Не пора ли убѣдиться, что мы имѣемъ столько объектовъ права, и столько правъ и условій для нашего счастія, сколько въ данный моментъ исторіи выработало этихъ объектовъ, этихъ правъ и условій общество, среди котораго мы живемъ и движемся? И не должно ли для изученія права указать на новый центръ его, на общество и народъ, и уже оттуда выводить частныя права отдѣльныхъ лицъ?

В. Лешковъ.

19 февр. 1873 г.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

НУЖНО-ЛИ СОХРАНИТЬ ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ? *

Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости 19-го февраля 1861 года учрежденъ особый для крестьянъ сословный волостной судъ.

Въ теченіи одиннадцатилѣтняго существованія судъ этотъ доказалъ несостоятельность свою какъ въ отношеніи организаціи суда, такъ и по существу своей дѣятельности.

А между тѣмъ мнѣ припоминается время, когда волостной судъ былъ встрѣченъ съ большимъ сочувствіемъ. Дѣятели первой эпохи освобожденія крестьянъ возлагали на него большія надежды; на него смотрѣли какъ на первый самостоятельный въ Россіи судъ, какъ на одно изъ первыхъ проявленій общественнаго само-

---

*) Въ 3 книж. „Юрид. Вѣстника" 1872 г. мы дали мѣсто статьѣ Е. Якушкина: „Волостные суды въ Ярославской губерніи", по мнѣнію котораго для лучшаго устройства волостныхъ судовъ нужно привлечь въ судъ лучшихъ людей изъ самаго крестьянства, понявъ значеніе судей и оградивъ ихъ, насколько возможно, отъ постороннихъ вліяній. Нынѣ помѣщая на столбцахъ нашего журнала статью К. Н. Ж—ва, разрѣшающаго вопросъ о сохраненіи волостныхъ судовъ отрицательно, считаемъ необходимымъ, не входя въ критическое обсужденіе доводовъ уважаемаго автора, сказать только нѣсколько словъ по поводу мнимой несостоятельности нашего крестьянскаго сословія къ разумному исполненію судейскихъ обязанностей. Извѣстно что о фактахъ можно спорить до безконечности. Но чѣмъ же объяснить могущество и силу Россіи, если отвергнуть здравый смыслъ цѣлой массы Русскаго народа, его способность къ высказыванію правды? Если въ ея быту и встрѣчаются явленія поражающія насъ, болѣе развитыхъ людей, то не пора ли удѣлить и на ея долю нѣсколько даровъ воспитанія и просвѣщенія, столь необходимыхъ для ея правильнаго развитія, для блага всего государства. Ред.

управленія въ Россіи, и мировые посредники перваго призыва во многихъ мнѣ извѣстныхъ мѣстностяхъ принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы волостные судьи избирались изъ лучшихъ людей, чтобы въ отправленіе правосудія не вмѣшивался никто изъ лицъ административныхъ. Тѣ же посредники принимали всевозможныя мѣры къ тому, чтобы расположить крестьянъ къ ихъ собственному сословному суду, заставить ихъ уважать рѣшенія суда и имъ подчиняться.

Мнѣ приходятъ на память бурныя и горячія объясненія между первыми дѣятелями по крестьянской реформѣ и тѣ жестокія нападки и обвиненія въ консерватизмѣ, непониманіи Положенія 19-го февраля и проч. и проч., которыя сыпались на каждаго, кто осмѣливался сомнѣваться въ будущности этого суда и сулилъ ему въ недалекомъ будущемъ полную неудачу. На вопіющія, по своей несправедливости, рѣшенія волостнаго суда смотрѣли тогда какъ на исключенія, встрѣчавшіяся впрочемъ весьма и весьма часто, какъ на послѣдствія одной неопытности крестьянъ, какъ на результатъ долгаго коснѣнія ихъ подъ гнетомъ крѣпостнаго права.

Но прошло съ тѣхъ поръ одиннадцать великихъ для Россіи лѣтъ. Далеко шагнула она впередъ на пути возрожденія, много пережила она великихъ и мудрыхъ реформъ. Первая изъ нихъ— реформа крестьянская окончена и принадлежитъ исторіи. Уже повсемѣстно возникло убѣжденіе, что органы этой реформы отжили свой короткій вѣкъ, отслужили свою блистательную службу и подлежатъ сдачѣ въ архивъ. Измѣнился взглядъ и на волостные суды.

Со времени ихъ учрежденія старый порядокъ судопроизводства отмѣненъ. Россія получила новые суды, организованные по уставамъ 20-го ноября 1864 года. Еще до введенія новыхъ судовъ, по мѣрѣ того какъ успокоивалось общественное мнѣніе, возбужденное Положеніемъ 19-го февраля, измѣнялся и взглядъ на значеніе и состояніе волостныхъ судовъ, явилась возможность критически отнестись къ ихъ дѣятельности и суды волостные не выдержали этой критики. Общій ропотъ на ихъ дѣятельность перешелъ въ полное недовольство ими, привелъ къ положительному отрицанію необходимости такихъ судовъ съ того самаго времени, какъ Россія познакомилась съ новыми судами, построенными на началахъ, выработанныхъ цивилизаціей и служащихъ осуществленіемъ послѣдняго слова современной науки. И

дѣйствительно, существованіе волостныхъ судовъ рядомъ съ новыми судебными учрежденіями—невозможно.

Россіи данъ судъ скорый, милостивый и правый. Общее сочувствіе къ новымъ судамъ, тщательное и ревностное охраненіе новыхъ судовъ отъ всякихъ напрасныхъ и несправедливыхъ на нихъ нареканій лучше всего доказываютъ, что суды воплощаютъ въ себѣ тѣ условія, которыя имъ указаны въ уставахъ. Но суды эти, дѣйствуя благотворно на всѣ условія имперіи, не существуютъ для наибольшей части ея подданныхъ. Крестьяне почти непользуются плодами этихъ учрежденій. Ежедневная, наиболѣе близкая сердцу крестьянина дѣятельность его находится подъ вліяніемъ иного суда, суда волостнаго. Неудовлетворительные по личному своему составу, крайне лицепріятные или безчеловѣчно несправедливые по существу своей дѣятельности—суды эти разоряютъ крестьянъ. Ни скорость, ни милость, ни правда не составляютъ отличительныхъ качествъ этихъ судовъ. Тѣ проявленія безобразнаго неправосудія, на которые въ былое время смотрѣли какъ на исключительные случаи, сдѣлались явленіемъ обыденнымъ, какъ въ сущности оно и было съ самаго начала, и привело наконецъ къ убѣжденію не только въ несостоятельности волостнаго суда, но и въ положительной его вредности для народнаго спокойствія и благосостоянія. Самостоятельные по своему учрежденію, суды волостные на самомъ дѣлѣ потеряли всякую самостоятельность и подчинились вліянію не только власти административной, но даже простыхъ волостныхъ писарей. Нельзя смотрѣть на это явленіе, какъ на явленіе проистекающее единственно отъ неудачнаго личнаго состава судей. Оно было неизбѣжно, во первыхъ, въ силу извѣстныхъ отношеній крестьянской среды къ лицамъ вѣдомства административнаго, оказывающаго значительное давленіе на массу людей, неумѣющихъ отстоять свою независимость, и во вторыхъ отъ полнаго невѣжества и безграмотности представителей судебной власти въ судѣ волостномъ.

Въ послѣднее время не мало посвящено было статей разсмотрѣнію вопроса о волостныхъ судахъ; еще болѣе слышно толковъ въ обществѣ о томъ, въ какомъ смыслѣ слѣдовало бы разрѣшить этотъ вопросъ.

Для уясненія вопроса о волостныхъ судахъ мнѣ представляется полезнымъ прежде всего въ нѣсколькихъ словахъ сказать о томъ, что имѣлось въ виду при учрежденіи этихъ судовъ.

Не надо забывать, что волостные суды въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, возникли вмѣстѣ съ введеніемъ положенія о крестьянахъ, т. е. тогда, когда Россія вступала только на путь реформъ и вопросъ о реформѣ судовъ едва только былъ затронутъ. Редакціонныя комиссіи и депутаты двухъ призывовъ пришли къ убѣжденію въ необходимости самостоятельнаго и независимаго крестьянскаго суда. Они смотрѣли на учрежденіе крестьянскаго суда, отдѣльнаго отъ другихъ судебныхъ учрежденій, какъ на одно изъ средствъ оторвать рѣшительно и рѣзко крестьянъ отъ прошлаго, заставить ихъ забыть то крѣпостное право, которое на нихъ тяготѣло и дать имъ во всѣхъ отношеніяхъ полное самоуправленіе. Почтенные дѣятели, честно и добросовѣстно трудившіеся надъ созданіемъ крестьянской реформы, ревниво оберегали и строго проводили этотъ принципъ и, надо отдать имъ честь, поставили всю реформу на твердый путь, который она протекла съ такимъ блестящимъ успѣхомъ.

Тѣмъ же самымъ принципомъ руководствовались составители Положенія 19-го февраля, отстраняя всѣ проэкты организаціи волостныхъ судовъ, въ которыхъ къ составу суда примѣшивался элементъ посторонній—вводились лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію. Редакціонныя комиссіи настоятельно желали оградить крестьянскій судъ отъ вліянія лицъ, носящихъ характеръ сельскихъ чиновниковъ и передать его въ руки лицъ, находящихся въ непосредственной связи съ крестьянскимъ обществомъ. Въ этомъ была разумная цѣль, недостигнутая впрочемъ волостными судами.

Составители Положенія 19-го февраля организовали волостной судъ, такъ какъ судъ для крестьянъ необходимъ. Они не могли останавливаться на томъ, что судъ этотъ будетъ судомъ сословнымъ. Въ то время господствовали суды сословные. Существовали, рядомъ съ уѣздными судами, сельскія расправы, магистраты, ратуши—все суды сословные; поэтому и для крестьянъ необходимъ былъ судъ сословный. Прежніе суды потеряли довѣріе общества; въ редакціонныхъ коммиссіяхъ заявлялась уже необходимость реформы судовъ—предполагалось учрежденіе мировыхъ судей. Въ учрежденіи волостнаго суда члены комиссіи видѣли первый шагъ къ учрежденію суда на новыхъ началахъ. Возникла мысль ввести въ составъ этихъ судовъ присяжныхъ засѣдателей даже для дѣлъ гражданскихъ. Это совершенно по-

нятное увлеченіе пошло далѣе: волостной судъ признавался исходной точкой для дальнѣйшихъ постепенныхъ улучшеній въ системѣ нашего судоустройства вообще. Составители Положенія желали учредить волостной судъ на такихъ основаніяхъ, чтобы онъ какъ можно ближе подходилъ къ другимъ совершеннѣйшимъ формамъ судопроизводства.

Въ основаніе суда волостнаго положены: механическая простота учрежденія, искренность и правдивость такого суда, совпаденіе его въ главныхъ чертахъ съ народнымъ обычаемъ въ оброчныхъ имѣніяхъ и его независимость. Кромѣ того имѣлось въ виду, что суды волостные, разбирая маловажныя дѣла, будутъ руководствоваться народными юридическими понятіями и мѣстными обычаями, неизвѣстными и недоступными судебнымъ учрежденіямъ гражданскимъ.

Нельзя не замѣтить изъ простаго перечисленія основаній, положенныхъ въ учрежденіе волостнаго суда, что они главнымъ образомъ служатъ укоромъ, выраженіемъ недовѣрія къ старымъ судебнымъ учрежденіямъ. На первый планъ ставятся искренность и правдивость суда, его независимость.

Перечисленіе этихъ качествъ суда излишне,—безъ нихъ немыслимъ ни одинъ судъ, но оно нашло себѣ мѣсто на томъ основаніи, что общество не признавало этихъ качествъ за старыми судами. Понятно также, что если общество видѣло въ рѣшеніяхъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ частое и можетъ быть иногда умышленное искаженіе существующихъ законовъ, то тѣмъ менѣе оно могло бы положиться на эти суды при примѣненіи обычнаго права; да и личный составъ судебныхъ мѣстъ комплектовался такимъ путемъ, такими людьми, хотя и выборными, которые дѣйствительно не представляли ручательствъ въ томъ, что они знакомы съ народными обычаями.

Какъ осуществилась на дѣлѣ эта часть реформы, насколько оправдали волостные суды цѣли и стремленія ихъ учредителей?

Составленные изъ людей неграмотныхъ и невѣжественныхъ, оставленные безъ всякихъ руководителей на произволъ самихъ себя, волостные суды потеряли всякую независимость. Они не только не подходятъ близко къ судамъ наиболѣе совершеннымъ, они не могутъ даже назваться судами. Какова ихъ дѣятельность, какова искренность и правдивость этихъ судовъ?

Защитники волостныхъ судовъ говорятъ обыкновенно, что лица, возстающія противъ этихъ судовъ, ссылаются единствен-

но на неудовлетворительность личнаго состава ихъ и только на этомъ основаніи требуютъ уничтоженія волостныхъ судовъ. Я оставлю, поэтому, въ сторонѣ всѣ замѣчанія, сдѣланныя въ этомъ направленіи. Я позволю себѣ остановиться на тѣхъ недостаткахъ судовъ волостныхъ, которые некасаются личнаго состава судовъ.

Одинъ изъ дѣятелей крестьянской реформы, Лугининъ, близко стоявшій къ крестьянскому самоуправленію, свидѣтельствуетъ о томъ, что вообще въ крестьянской средѣ замѣчается слабое и неопредѣленное понятіе о правѣ. Крестьяне имѣютъ самое смутное понятіе о поземельной собственности и ужасающее извращенное понятіе о семейныхъ отношеніяхъ. Подъ вліяніемъ неустановившагося понятія о собственности, волостные суды вмѣстѣ съ міромъ насѣдаютъ на отдѣльныхъ домохозяевъ и дѣйствуютъ въ силу того убѣжденія, что отдѣльная частная собственность можетъ быть во всякое время отобрана отъ собственника и обращена въ мірскую собственность безъ всякаго вознагражденія за нее перваго. Что касается до взаимныхъ отношеній членовъ крестьянской семьи, то господствующіе въ той же средѣ принципы сводятся къ тому, что женщина—рабочая сила, не болѣе; она не ограждена ничѣмъ отъ звѣрства и безсмысленнаго деспотизма; бракъ есть дѣло корыстныхъ разсчетовъ родителей и старшихъ членовъ семьи. Женщина при бракосочетаніи покупается какъ вещь, за нее платится извѣстная подъ различными наименованіями сумма имуществомъ и деньгами.

Лица судебнаго вѣдомства въ годичныхъ отчетахъ о своей дѣятельности, касаясь случаевъ соприкосновенія новыхъ судовъ съ судами волостными, занесли такія замѣчанія: волостные судьи, принадлежа къ крестьянской средѣ, хотя и не лишены здраваго пониманія представляющихся на ихъ разрѣшеніе случаевъ, но они недостаточно развиты для отправленія суда въ видахъ и цѣляхъ одной справедливости, не говоря уже о злоупотребленіяхъ, къ которымъ само общество относится снисходительно. Волостные суды превращаютъ по своему произволу гражданскія дѣла въ уголовныя и преслѣдуютъ кого имъ вздумается или истца, или отвѣтчика; не понимая вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, они смѣшиваютъ часто подсудность уголовную и гражданскую. Приведенъ такой примѣръ, гдѣ судъ, приговоривъ должника къ уплатѣ долга кредитору, постановилъ вмѣсто процентовъ при всякой уплатѣ наказывать розгами; съ другой стороны, признавъ крестьянина виновнымъ въ кражѣ у другаго 10-ти

рублей, опредѣлилъ взыскать съ вора только пять рублей, да и то въ сроки. Волостной судъ при разборѣ подсудныхъ ему дѣлъ, думаетъ судить по обычаямъ, и, неимѣя ничего для руководства въ этомъ отношеніи, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ созидаетъ новый законъ. Также поступаютъ они и тогда, когда имъ приходится опредѣлить право, котораго обычай не разрѣшаетъ. Невѣжественные волостные суды называютъ обычаемъ всякое безобразіе. Такъ было нѣсколько случаевъ, что волостные судьи признавали за сельскимъ обществомъ право брать всякое имущество крестьянъ подъ предлогомъ неуплаты наложеннаго обществомъ штрафа и пропивать его. Еще недавно путемъ печати были оглашены факты не менѣе возмутительные изъ разныхъ мѣстъ имперіи и касающіеся также не неудовлетворительности личнаго состава суда, а существа его дѣятельности. Достаточно вспомнить напримѣръ тотъ приговоръ, по которому за кражу приговоренъ къ наказанію розгами не воръ, а его защитникъ. Докладъ Московскому земскому собранію 1871 года говоритъ о томъ, что главные недостатки суда волостнаго заключаются въ безграмотности волостныхъ судей, отнимающей у нихъ всякую самостоятельность, въ отсутствіи безпристрастія и всякаго пониманія законовъ. Свѣдѣнія, собранныя докладомъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что волостные суды разбираютъ такія дѣла, какъ бродяжество, незаконное сожительство по раскольническому обряду, отказъ женъ въ слѣдованіи за мужьями въ ссылку; принимаютъ на себя обязанности сельскихъ и волостныхъ сходовъ, взыскивали съ крестьянъ путемъ тѣлесныхъ наказаній казенныя недоимки и т. п.

Сами защитники волостныхъ судовъ приходятъ къ тому убѣжденію, что волостные суды, составленные изъ лицъ, принадлежащихъ не къ меньшинству образованныхъ людей, а къ массѣ, неспособны обобщать вопросовъ права, а стремятся разрѣшать отдѣльныя дѣла на основаніи совершенно второстепенныхъ, частныхъ обстоятельствъ каждаго даннаго случая. Волостные судьи, говорятъ они, при каждомъ запутанномъ дѣлѣ становятся въ тупикъ и рѣшеніе ихъ по однороднымъ спорнымъ дѣламъ весьма часто противуположны.

Итакъ, изъ тѣхъ немногихъ указаній, которыя оглашены были, оказывается, что волостные судьи, всецѣло принадлежащіе къ крестьянской средѣ, не имѣютъ понятія о правѣ собственности, имѣютъ самыя дикія извращенныя понятія о семейномъ правѣ,

неспособны обобщать вопросовъ права, а потому постановляютъ рѣшенія по однороднымъ дѣламъ другъ другу противорѣчащія, не умѣютъ отличать преступленій и проступковъ отъ простыхъ гражданскихъ правонарушеній, думая дѣйствовать на основаніи обычая и неумѣя отличать обычая отъ одиночнаго факта, созидаютъ для каждаго отдѣльнаго случая новый законъ и называютъ обычаемъ всякое безобразіе, возводя его такимъ образомъ на степень закона.

Недостаточно-ли ясно вытекаетъ изъ замѣчаній этихъ тотъ выводъ, что сама среда, изъ которой выбираются волостные судьи, не въ состояніи дать людей способныхъ отправлять судебныя обязанности? Возможно ли придти къ тому заключенію, къ которому приходятъ защитники волостныхъ судовъ, утверждающіе, что всѣ недостатки судовъ суть недостатки преходящіе, временные и что нельзя на основаніи этихъ недостатковъ требовать уничтоженія учрежденія, имѣющаго большой запасъ внутренней силы, неумѣвшей только проявиться по различнымъ случайнымъ и мѣстнымъ препятствіямъ.

Въ чемъ же выразился этотъ большой запасъ внутренней ихъ силы и почему же указанныя случайныя и мѣстныя препятствія были постоянны и повсемѣстны? Волостнымъ судамъ по самому ихъ учрежденію данъ былъ большой просторъ, отчего же эта внутренняя сила, если она дѣйствительно существуетъ, не поддержала волостныхъ судовъ и давъ родиться препятствіямъ не устранила ихъ?

Такимъ образомъ изъ всѣхъ основаній, имѣвшихся въ виду редакціонными коммиссіями при учрежденіи суда волостнаго остается одна только механическая простота учрежденія. Что же касается до обычнаго крестьянскаго права, то неограничиваясь приведенными замѣчаніями я позволю себѣ вернуться къ нему нѣсколько ниже.

Изъ изложеннаго ясно, что волостной судъ своей практической дѣятельностью разрушилъ всѣ надежды, которыя на него возлагались и члены редакціонныхъ коммиссій были правы, признавая волостные суды *только достаточными и только на первое время.*

Что же побуждаетъ отстаивать это учрежденіе? Какія приводятся соображенія за сохраненіе судовъ?

Эти соображенія и основанія весьма различны.

Существуетъ мнѣніе, что волостной судъ долженъ быть сохраненъ на томъ основаніи, что сельское сословіе издревле имѣло свой особый самостоятельный судъ и уничтоженіе подобнаго суда есть ломка коренныхъ основъ нашего историческаго быта, одинъ изъ опытовъ насильственной централизаціи, стремящейся подвести всѣхъ гражданъ подъ искусственную мѣрку общихъ судовъ.

Другое мнѣніе, не опираясь уже на историческое значеніе сельскихъ судовъ, утверждаетъ, что суды эти воплощаютъ въ себѣ великій принципъ суда народной совѣсти, исправляющей недостатки письменнаго закона непрерывнымъ теченіемъ свободной народной жизни. Оно говоритъ, что если судъ безобразенъ теперь, то это потому, что народъ грубъ. Дайте народу образованіе и онъ выдѣлитъ изъ себя настоящихъ народныхъ дѣятелей, которымъ по праву будетъ принадлежать руководящее начало.

Противъ приведенныхъ двухъ основаній для сохраненія волостныхъ судовъ возражаютъ сами защитники волостныхъ судовъ. Они совершенно справедливо разсуждаютъ, что если въ прежнее время существовалъ особый сельскій сословный судъ, то это не значитъ еще, что онъ долженъ существовать и теперь. Было время, когда сословные суды были необходимы, но съ отмѣною крѣпостнаго права, съ развитіемъ центральной власти и съ увеличеніемъ финансовыхъ средствъ въ государствѣ— всякіе особые сословные суды должны уничтожаться. Примѣромъ служитъ исторія другихъ государствъ Европы. Они признаютъ при этомъ, что Положеніе 19-го февраля сохранило сословные крестьянскіе суды единственно какъ мѣру временную и что необходимое на первыхъ порахъ обособленіе крестьянъ должно быть постепенно ослабляемо въ интересахъ самой массы, особенно въ области суда, гдѣ исключительно независимое положеніе крестьянъ всего менѣе оказалось для нихъ полезнымъ.

Въ опроверженіе втораго мнѣнія тѣ же защитники волостныхъ судовъ указываютъ на мировыхъ судей, какъ на такихъ же органовъ народной совѣсти, повинующихся органическому теченію народной жизни. Кромѣ того масса движется впередъ на пути цивилизаціи подъ непосредственнымъ вліяніемъ и руководствомъ меньшинства людей образованныхъ, стоящихъ во главѣ двухъ воспитательныхъ учрежденій—школы и суда. Изъ

этого ясно, что только тѣ судьи окажутъ благотворное вліяніе на развитіе массы, которые стоя выше массы по своему образованію, свободны отъ предразсудковъ, присущихъ ей. Такимъ образомъ, думаю я, представители суда, избранные не изъ крестьянской среды, а изъ людей получившихъ образованіе, будутъ способствовать массѣ выдѣлить тѣхъ настоящихъ народныхъ дѣятелей, о которыхъ говоритъ эта теорія; наоборотъ, сохраненіе судей настолько же необразованныхъ, какъ и сама масса, будетъ служить причиной отсталости массы и задерживать появленіе настоящихъ народныхъ дѣятелей. Затѣмъ, добавимъ, когда появятся эти дѣятели, то почему же они должны быть обречены на дѣятельность въ узкой рамкѣ сословнаго суда и не полезнѣе ли будетъ ихъ дѣятельность въ средѣ общихъ судовъ, гдѣ и займутъ они еще болѣе почетное положеніе.

Самымъ серьознымъ аргументомъ за сохраненіе волостныхъ судовъ, защитники ихъ считаютъ особыя юридическія отношенія, существующія въ средѣ крестьянскаго сословія, вызывающія необходимость существованія суда, руководствующагося не письменнымъ закономъ, а обычнымъ правомъ.

Одни изъ защитниковъ волостныхъ судовъ признаютъ необходимымъ сохранить за судами какъ разсмотрѣніе дѣлъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ; другіе же, признавая необходимымъ передать дѣла уголовныя на разсмотрѣніе мировыхъ судей, сохраняютъ волостные суды только для дѣлъ гражданскихъ.

По отношенію къ дѣламъ гражданскимъ защитники судовъ говорятъ, что почти все недвижимое имущество крестьянъ и даже большая часть движимаго имущества, напр. скотъ и орудія не составляютъ ихъ личной собственности. Это или общественная или семейная собственность, причемъ только земля признается собственностью общественной, остальное же—имущество семейное—находится въ распоряженіи домохозяина до раздѣла. Никто и никогда, говорятъ они, не втолкуетъ крестьянину правилъ наслѣдованія по закону и принять порядокъ наслѣдованія, установленный X т. Свода Законовъ значитъ разорить крестьянскую семью, уничтожить хозяйство. Сохраненіе волостныхъ судовъ, судовъ по обычаю, неограничивается вопросомъ о наслѣдствѣ, но экономическія условія крестьянской среды порождаютъ такія имущественныя отношенія, къ которымъ не примѣнимъ ни гражданскій кодексъ, ни правила о формальныхъ доказательствахъ. Такъ въ особенности семейные раздѣлы нераз-

рѣшимы на основаніи Свода Законовъ. Точно также неразрѣшимы споры о переуступкѣ земельныхъ надѣловъ, перенесеніи общественныхъ обязанностей съ лица на лицо, а споры по личному найму и по займамъ, заключаемымъ безъ соблюденія всякихъ формальностей, не могутъ быть разрѣшаемы на основаніи формальныхъ доказательствъ.

Имѣя въ виду, что сборника и подробныхъ указаній обычаевъ крестьянъ неимѣется, защитники останавливаются на слѣдующихъ экономическихъ особенностяхъ крестьянскаго быта, недопускающихъ, по ихъ мнѣнію, разбора гражданскихъ дѣлъ между крестьянами путемъ общихъ судебныхъ учрежденій.

1. *Поземельно-общинное устройство крестьянъ.* Въ силу этой особенности, говорятъ защитники волостныхъ судовъ, личность въ крестьянскомъ обществѣ подчинена безапелляціонно сельскому сходу, убивающему свободу личности и разъѣдающему общину. Вслѣдствіе этого необходимо гарантировать личность отъ произвола схода, а эта гарантія заключается въ организаціи крестьянскаго суда. Этотъ судъ не долженъ уже имѣть значеніе суда волостнаго, но долженъ существовать одинъ для нѣсколькихъ волостей и разбирать:

а) Иски и споры между крестьянами, возникающіе изъ поземельно-общественнаго или подворнаго устройства;

б) Жалобы на приговоры сходовъ;

в) Иски и споры между отдѣльными мелкими единицами крестьянскаго хозяйственнаго самоуправленія.

2. *Имущественное значеніе крестьянской семьи,* утверждаютъ тѣ же защитники, вынуждаетъ разсмотрѣніе споровъ не иначе, какъ на основаніи обычнаго права; въ силу этого волостному суду должны быть подсудны:

г) Всѣ споры и тяжбы, возникающіе изъ общаго или отдѣльнаго владѣнія движимымъ имуществомъ со стороны членовъ семьи или домохозяйства;

д) Разборъ споровъ по раздѣламъ, наслѣдству и завѣщанію;

е) Учетъ, смѣна и преслѣдованіе передъ общими судами опекуновъ и попечителей;

ж) Имущественные иски, происходящіе изъ обрядовъ сватовства.

3. *Особенности экономическаго быта крестьянъ по отношенію къ различнымъ промысламъ.* Такъ, значительно распро-

страненная кустарная промышленность, сильное развитіе въ народѣ артельнаго начала—имѣютъ свои весьма разнообразные обычаи, обряды и правила, переходъ недвижимаго и движимаго имущества сопровождается соблюденіемъ не извѣстныхъ, законныхъ формальностей, а такихъ обрядовъ, каковы передача изъ полы въ полу, рукобитье, заливка. Отсюда волостнымъ судамъ должны быть подчинены всѣ иски до 500 рублей:

з) О правѣ собственности на движимыя и недвижимыя имущества, находящіяся въ предѣлахъ крестьянскаго судебнаго округа;

и) О насильственномъ и самовольномъ завладѣніи имуществомъ;

і) По договорамъ и обязательствамъ;

к) Всѣ безъ ограниченія суммою иски по обоюдному согласію сторонъ.

4. *Повсемѣстная неграмотность крестьянъ* недопускаетъ возможности соблюденія со стороны крестьянъ формальностей и письменныхъ обрядовъ. Въ виду этого нетолько не слѣдуетъ будто-бы передавать гражданскихъ дѣлъ мировымъ судьямъ, но и стѣснять крестьянскіе суды какими-бы то ни было постановленіями о силѣ судебныхъ доказательствъ, вмѣнивъ имъ только въ обязанность крѣпостные акты и письменные документы надлежащимъ образомъ совершенные принимать за совершенное доказательство. Такая уступка, говорятъ защитники, неминуемо должна быть сдѣлана, потому что обычное право можетъ сохраниться только въ такой мѣрѣ, въ какой оно прямо не противорѣчитъ дѣйствующему законодательству.

Касаясь вообще вопроса о сословности крестьянскаго суда по дѣламъ гражданскимъ, теорія, рекомендующая вышеизложенныя соображенія, разсуждаетъ такъ: задача гражданскаго кодекса заключается въ томъ, чтобы дать самый широкій просторъ мѣстнымъ обычаямъ и соглашеніямъ, но просторъ этотъ не долженъ переходить въ разрядъ сдѣлокъ и дѣйствій, запрещенныхъ закономъ. Поэтому обязательныхъ нормъ для дѣйствій, въ существѣ своемъ разрѣшаемыхъ закономъ, быть не должно: они могутъ быть предложены правительствомъ только въ видѣ нормальнаго устава, принятіе котораго зависитъ отъ добровольнаго согласія заинтересованныхъ лицъ. Идеалъ въ этомъ отношеніи заключается въ уничтоженіи гражданскихъ кодексовъ, общихъ судовъ и предоставленіи общественнымъ группамъ вѣ-

даться ихъ собственнымъ судомъ и излюбленнымъ третейскимъ. Поэтому въ сферѣ гражданскаго судопроизводства возможны всякіе суды: обычные, мѣстные, сословные и даже учреждаемые отдѣльными сословными группами. Теорія эта находитъ, что задача гражданскаго законодательства совершенно противуположна уголовному и не имѣетъ своею цѣлію воплощенія присущаго развитому человѣчеству инстинкта правды и постепеннаго, повсемѣстнаго уничтоженія историческихъ остатковъ низшей культуры. Для гражданскаго кодекса нѣтъ необходимости, чтобы онъ провѣрялся и совершенствовался указаніями науки и опытами народовъ, стоящихъ на высшей степени развитія, а единственная его цѣль есть, какъ объяснено выше, постепенное самоуничтоженіе.

Въ силу той цѣли, которую преслѣдуетъ уголовное законодательство, судъ уголовный не можетъ быть переданъ въ руки массы, сохраняющей преданія и вѣрованія отцовъ. Уголовное законодательство ограждаетъ общественное спокойствіе и это охраненіе гражданской свободы должно совершаться повсемѣстно одними и тѣми же правилами. Въ виду этого уголовный судъ долженъ быть одинъ во всемъ государствѣ, а потому и немыслимо разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ передавать на обсужденіе крестьянскихъ судовъ, судовъ, дѣйствующихъ по обычаю, подъ вліяніемъ воззрѣній массы.

Съ такими, надо сказать, по отношенію къ уголовному суду, вполнѣ справедливыми положеніями, несогласны нѣкоторые изъ защитниковъ волостныхъ судовъ, полагающіе, что уголовныя дѣла должны быть подсудны также судамъ, дѣйствующимъ на основаніи обычнаго права, такъ какъ взглядъ на преступленіе есть также историческій продуктъ культуры, такой же точно народный обычай, какъ и понятія или формы гражданскаго права.

Обращаясь къ разсмотрѣнію доводовъ за сохраненіе въ широкихъ размѣрахъ судовъ по обычаю, слѣдуетъ прежде всего остановиться на томъ, что въ основаніи этихъ доводовъ положена невѣрная главная мысль. Разсуждая о значеніи кодексовъ уголовнаго и гражданскаго безъ всякаго сомнѣнія различныхъ по своему существу, защитники судовъ волостныхъ проводятъ рѣзкую между ними границу, но не въ томъ отношеніи, въ которомъ они дѣйствительно между собою различествуютъ. Кодексы эти разсматриваются не по существу своему, а по цѣли

ими преслѣдуемой, и паралель, проведенная между ними, въ этомъ отношеніи несостоятельна. Гражданскій кодексъ, опредѣляя общія условія, при которыхъ могутъ состоять отдѣльныя лица, какъ равные члены государства, какъ граждане, въ общихъ, для всѣхъ одинаковыхъ, личныхъ имущественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, равно какъ и условія, при которыхъ эти отношенія могли бы возникать, существовать и прекращаться, вмѣстѣ съ тѣмъ гарантируетъ и содѣйствуетъ развитію гражданской свободы, ограждаетъ, также какъ и уголовный кодексъ, общественное благосостояніе и спокойствіе. Говорить о томъ, что задача гражданскаго кодекса совершенно противуположна уголовному кодексу—невозможно, опровергать такое положеніе излишне. Эти два кодекса составляютъ одно цѣлое и взаимно другъ друга дополняютъ. Какъ одинъ опредѣляетъ, на что имѣетъ право каждое отдѣльное въ государствѣ лицо, такъ другой указываетъ, что каждому лицу воспрещено подъ страхомъ наказанія. Я не могу согласиться также съ тѣмъ, что гражданскій кодексъ не имѣетъ цѣлію воплощеніе присущаго человѣку инстинкта правды. Если гражданскій кодексъ служитъ руководствомъ для частныхъ лицъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, если онъ предназначается для цѣлей правосудія, то я не понимаю, какимъ образомъ онъ не преслѣдуетъ той цѣли, для которой существуетъ судъ. Развѣ взаимныя отношенія членовъ общества не должны быть построены на здравыхъ, разумныхъ, справедливыхъ основаніяхъ и развѣ они не подчиняются тому инстинкту правды, о которомъ говорятъ защитники волостныхъ судовъ? Развѣ неправосудіе въ гражданскихъ процессахъ не возмущаетъ общественнаго мнѣнія, а этотъ ропотъ, съ своей стороны, развѣ не указываетъ на то, что общество и въ сферѣ права гражданскаго требуетъ воплощенія той же правды, какъ и въ сферѣ права уголовнаго? Судъ, соглашаются защитники волостныхъ судовъ, имѣетъ воспитательное значеніе, а суды проявляютъ свою дѣятельность какъ суды гражданскіе, и какъ суды уголовные. Они имѣютъ воспитательное значеніе, проводя въ массу истинные, разумные принципы права и потому, придавая воспитательное значеніе судамъ уголовнымъ, нѣтъ основанія отнимать это значеніе у судовъ гражданскихъ. Напротивъ того, частныя лица, приходя въ наиболѣе частное соприкосновеніе съ судомъ по вопросамъ права гражданскаго, подвергаются сильнѣйшему вліянію суда, чѣмъ по вопросамъ права уголов-

наго. Въ виду такого значенія суда гражданскаго, а слѣдовательно и гражданскаго кодекса, въ виду того, что этотъ кодексъ долженъ проводить въ массу здравыя понятія о правѣ и справедливости, нельзя отрицать и того, что цѣль гражданскаго кодекса, точно также какъ и кодекса уголовнаго, заключается въ постепенномъ и повсемѣстномъ уничтоженіи историческихъ остатковъ низшей культуры, а потому и этотъ кодексъ долженъ также провѣряться и совершенствоваться указаніями науки и опытами народовъ. Съ другой стороны, какъ кодексъ гражданскій, такъ и кодексъ уголовный не могутъ быть построены на основаніяхъ чисто теоретическихъ, безъ всякаго соотношенія къ дѣйствительной жизни извѣстнаго даннаго общества. Первый долженъ, можетъ быть, нѣсколько болѣе придерживаться практической почвы, но принципъ этотъ долженъ имѣть мѣсто для того и другаго кодекса. Возражаютъ противъ значенія гражданскаго кодекса тѣмъ, что вообще кодексы эти дурны, но возраженіе это имѣетъ значеніе только по вопросу о пересмотрѣ и улучшеніи кодексовъ, но еще не доказываетъ необходимости ихъ полнаго уничтоженія.

Говорятъ далѣе, что задача гражданскаго кодекса заключается единственно въ томъ, чтобы дать самый широкій просторъ мѣстнымъ обычаямъ и соглашеніямъ и этимъ путемъ придти къ полному уничтоженію гражданскихъ кодексовъ и общихъ судовъ.

Между тѣмъ историческое развитіе всѣхъ государствъ и народовъ указываетъ на то, что кодексы законовъ являлись только тогда, когда народы достигали значительной степени развитія и являлись для того, чтобы регулировать взаимныя отношенія гражданъ и положить конецъ тому самосуду, тому произволу и хаосу, который существовалъ во взаимныхъ отношеніяхъ гражданъ между собою. Обычное право господствуетъ до тѣхъ поръ, пока народъ находится на низшей ступени развитія. Широкій просторъ примѣненія обычнаго права обусловливаетъ собою громадное разнообразіе и различіе, которыя могутъ увеличиться и принять такой объемъ, что въ народѣ теряется всякое единство правоваго сознанія. Такое разнообразіе въ обычаяхъ поддерживаетъ неопредѣленность права и становится помѣхой для всякаго общаго, жизненнаго движенія, для болѣе живаго правоваго развитія отношеній и общественное разстройство дѣлается наконецъ до такой степени тягостнымъ, что спа-

сеніе можетъ быть найдено только въ законодательствѣ, которое дѣйствительно было благодѣяніемъ для народа и его правоваго состоянія. Съ развитіемъ энергіи, укрѣпленіемъ государственнаго единства, равенства общественныхъ классовъ, законодательная власть пріобрѣтаетъ большую самостоятельность, устанавливаетъ начала права совершенно новыя, нерѣдко противорѣчащія сознанію тѣхъ классовъ, которыхъ они касаются; стремится напередъ постигнуть истинныя потребности народа и образовать нормы, которыя могли бы облегчить и обезпечить ихъ удовлетвореніе. Законодательство расширяетъ сферу своей дѣятельности, дѣлаетъ законъ исключительной формой права. Законъ есть одна изъ высшихъ силъ и властей въ государствѣ, а въ государствахъ конституціонныхъ законъ есть единственная высшая власть. Законъ, поэтому, не можетъ предлагать правилъ необязательныхъ, не можетъ совѣтовать или учить, онъ долженъ предписывать, повелѣвать. Самый порядокъ судопроизводства съ развитіемъ цивилизаціи совершенствовался, упрощался и приводился къ единообразію для всѣхъ сословій государства и для всѣхъ отдѣльныхъ лицъ. Уничтоженіе кодексовъ и общихъ судовъ возвратило бы народы къ тому хаотическому состоянію, въ которомъ они находились въ періодъ полнаго господства обычнаго права, а потому и уничтоженіе кодексовъ и общихъ судовъ врядъ ли можетъ считаться идеаломъ, къ которому государство должно стремиться. Время полнаго господства обычнаго права, всевозможныхъ судовъ мѣстныхъ, обычныхъ, сословныхъ, давно и безвозвратно миновалось. Что же касается до предоставленія различнымъ отдѣльнымъ общественнымъ группамъ права учреждать свои собственные суды, то право это немыслимо ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ. Сами защитники волостныхъ судовъ признаютъ, что всякіе сословные суды должны неминуемо уничтожиться, уступая свое мѣсто общимъ для всѣхъ сословій судамъ.

Такимъ образомъ въ сущности остается одно только основаніе за сохраненіе волостныхъ судовъ, это необходимость существованія судовъ, руководствующихся не положительнымъ правомъ, а мѣстными обычаями.

Для разъясненія этого вопроса я позволю себѣ прежде всего остановиться на томъ, какое мѣсто дается обычному праву наукой и законодательствами въ государствахъ, обладающихъ писанными законами. Обычай есть одинъ изъ источниковъ права.

Обычаемъ называется рядъ постоянныхъ и однообразныхъ соблюденій какого-либо правила въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Обычай можетъ сдѣлаться источникомъ права только тогда 1) когда онъ содержитъ въ себѣ юридическое воззрѣніе; 2) когда это юридическое воззрѣніе неоднократно проявилось въ дѣйствительности, т. е. было соблюдаемо въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени; 3) когда оно проявлялось постоянно и однообразно и 4) когда обычай не противорѣчитъ нравственности. Обычное право въ смыслѣ обязательныхъ правилъ и дѣйствій должно отличать отъ простыхъ обычаевъ, существующихъ какъ обряды, или простое употребленіе того или другаго дѣйствія (напр. заручины, помочи, совершеніе свадьбы въ формѣ «убѣга» и проч.); послѣдніе не основываются на юридическомъ воззрѣніи, не создаютъ юридической нормы. На какомъ основаніи дѣйствуетъ обычай въ государствѣ? Въ обычномъ правѣ высказывачтся юридическое воззрѣніе, которому свойственно имѣть примѣненіе къ жизни. Путемъ обычая юридическое воззрѣніе прокладываетъ себѣ дорогу къ дѣйствительности, въ особенности на низшей ступени общественнаго быта. Съ развитіемъ гражданственности законодательная власть становится дѣятельною; сфера обычнаго права стѣсняется и юридическія воззрѣнія народа находятъ себѣ органъ въ формѣ, преимущественной передъ обычаемъ—въ законѣ писанномъ. Поэтому законъ писанный долженъ служить выраженіемъ юридическаго воззрѣнія народа, но этотъ принципъ имѣетъ свои границы. Законъ имѣетъ силу и значеніе въ дѣйствительности не потому, что есть воспроизведеніе юридическаго воззрѣнія народа; сила и значеніе закона—въ его происхожденіи отъ общественной власти. Если бы сила закона обусловливалась его соотвѣтствіемъ юридическому воззрѣнію народа, то значеніе закона было бы шатко и проистекало бы зло для быта народа отъ непрочности юридическихъ опредѣленій. Законъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ не могъ бы служить орудіемъ для исправленія существующихъ юридическихъ понятій. Законъ такимъ образомъ нуждается въ другомъ источникѣ силы и источникъ этотъ заключается въ общественной власти. Обычное право имѣетъ вліяніе на государственную жизнь. Государственная жизнь во многихъ отношеніяхъ регулируется также обычаемъ. но обычай вліяетъ на законъ съ той единственной стороны, что заставляетъ имѣть себя въ виду людей, занимающихся

редакціей законовъ и ихъ утверждающихъ. Законодатель, считающій господство законовъ залогомъ благоденствія народа, обратится неминуемо къ его юридическимъ воззрѣніямъ, ибо иначе законы, имъ изданные, могутъ остаться безъ исполненія. Такимъ образомъ въ періодъ господства законовъ писанныхъ, только эти послѣдніе имѣютъ для гражданъ обязательную силу, юридическое же воззрѣніе народа, принявшее характеръ обычая, вліяетъ на возникновеніе и установленіе законовъ писанныхъ. Существовали ученые юристы, которые придавали обычному праву широкое значеніе. Савиньи утверждалъ, что главной задачей законодательной власти должно быть собраніе и приведеніе въ порядокъ уже образовавшихся въ народѣ положеній права. Изданіе новыхъ законовъ онъ допускалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда сообразно политическимъ цѣлямъ представлялось необходимымъ измѣнить дѣйствующія нормы, прекратить сомнѣніе о существованіи извѣстнаго правила или дать правилу точное выраженіе. Тоже воззрѣніе раздѣлялъ и Пухта. Но скоро сами нѣмецкіе юристы вынуждены были отказаться отъ этого воззрѣнія и пришли къ убѣжденію, что законодательная власть должна имѣть болѣе широкое и положительное вліяніе на развитіе права, что она имѣетъ своей задачей нетолько сохраненіе уже живущаго въ народѣ права, но какъ его дальнѣйшее развитіе, такъ и установленіе новыхъ началъ права сообразно новымъ потребностямъ народа. Съ другой стороны французскіе юристы смотрятъ на обычное право, какъ на право существовавшее въ молодую пору народной жизни; они считаютъ его вреднымъ при дальнѣйшемъ развитіи цивилизаціи. Они утверждаютъ, что обычное право при существованіи кодексовъ не можетъ создавать обязательныхъ правилъ ограничивать или прекращать силу писаннаго закона и можетъ дѣйствовать только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ опредѣлительно допускается законодателемъ. Русскій ученый Ренненкампфъ, соглашаясь съ французскими юристами о преимуществахъ законодательной формы права, опредѣляетъ значеніе обычнаго права такъ: въ странахъ, достигшихъ кодификаціи болѣе или менѣе полной, обычное право, говоря вообще, можетъ имѣть силу только въ границахъ, указанныхъ самимъ закономъ и то въ сферахъ, которыя по своей спеціальности не подходятъ подъ общія нормы закона (напр. въ сферѣ сельскаго хозяйства) или же въ тѣхъ случаяхъ, когда совершаются сдѣлки безъ признанія и утвержденія ихъ общественною

властью и безъ права на законную защиту. Конечно и въ странахъ обладающихъ полною кодификаціей ни что не можетъ препятствовать существованію и образованію обычаевъ, но они не будутъ имѣть юридической силы.

Посмотримъ теперь, какое значеніе придаютъ обычному праву существующія законодательства Европы.

Австрійскій гражданскій кодексъ дозволяетъ ссылаться на обычное право только въ случаяхъ, указанныхъ закономъ и запрещаетъ образованіе новаго обычнаго права въ противуположность закону или наравнѣ съ нимъ. Дозволяется въ Австріи примѣненіе обычнаго права въ опредѣленныхъ случаяхъ торговой и ремесленной сферы. Такимъ же образомъ разрѣшенъ вопросъ объ обычномъ правѣ въ Прусскомъ, Саксонскомъ и Французскомъ кодексѣ. Французскій кодексъ дозволяетъ ссылаться на обычное право въ извѣстныхъ случаяхъ по дѣламъ общегражданскимъ, торговымъ, мореплаванія, лѣстнаго хозяйства и горнаго дѣла. Самое широкое значеніе имѣетъ обычное право въ Англіи. Common law занимаетъ мѣсто равное съ закономъ. Судьи обязаны свято исполнять обычное право. Но Англія не имѣетъ кодекса и при всемъ томъ судьѣ не представлено права самопроизвольно признавать извѣстный фактъ, извѣстное явленіе за обычай, онъ не дѣйствуетъ въ этомъ направленіи безконтрольно. Напротивъ того, даже въ Англіи примѣняется во всей силѣ опредѣленія обычая вышеприведенное. Источниками Common law признаются обычаи, существующіе съ незапамятныхъ временъ, выраженные въ рѣшеніяхъ судовъ, въ трактатахъ ученыхъ юристовъ и въ другихъ книгахъ, написанныхъ во время древности и сохраненныхъ до настоящихъ дней. По отношенію къ обычаямъ, не заключающимся въ этихъ источникахъ, существованіе обычая утверждается показаніями мера, рекордеровъ, приговорами жюри.

Такимъ образомъ во всѣхъ государствахъ Европы, обладающихъ кодификаціей, примѣненіе обычнаго права ставится въ весьма узкія границы. Главное, коренное правило заключается въ томъ, что обычное право не можетъ и не должно имѣть предпочтительнаго передъ писаннымъ закономъ значенія; оно не можетъ отмѣнять писанныхъ законовъ. Даже въ Агглін, гдѣ кодексовъ законовъ не существуетъ, гдѣ умственное развитіе народа достигло сравнительно высокой степени, гдѣ поэтому, судьи избираются изъ людей дѣйствительно образованныхъ и

тамъ обычное право не принимается въ томъ видѣ, какъ того желаютъ защитники волостныхъ судовъ. Для примѣненія воззрѣнія, заключающагося въ обычаѣ, въ Англіи требуется прежде всего чтобы существованіе обычая было доказано. Для примѣненія обычая древняго необходима ссылка на приговоры суда, на сборники обычнаго права. Существованіе новаго, не занесеннаго въ сборники, обычая доказывается свидѣтельствомъ меровъ, рекордеровъ, приговорами жюри.

К. Н. Ж—ъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Саратовской судебной палаты.

Копія купчей крѣпости, сумма продажи въ ней означенныя, двойныя крѣпостныя пошлины и доказательства права просителя на выкупъ имѣнія не подлежатъ принятію, по истеченіи установленнаго на выкупъ трехъ-годичнаго срока. Правило это распространяется и на дѣла о выкупѣ, начавшіяся въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ и переданныя въ судебныя установленія по уставу 20 ноября 1864 года, на основаніи ст. 25 и 31 Высочайше утвержденнаго 10 марта 1869 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта.

1872 года августа 12 дня по указу Его Императорскаго Величества, Саратовская судебная палата, по гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, въ которомъ присутствовали: старшій предсѣдатель С. А. Мордвиновъ, члены: М. М. Михайловъ, С. Ѳ. Поярковъ, И. И. Доброхотовъ, при секретарѣ К. Е. Толстомъ, слушали апелляціонное дѣло по иску губернскаго секретаря Митрофана Николаева Григорова о выкупѣ имъ родоваго имѣнія дяди его коллежскаго регистратора Николая Осипова, купленнаго княгинею Варварою Щетининою. По купчей крѣпости, совершенной 21 мая 1868 года въ бывшей Тамбовской судебной палатѣ, коллежскій регистраторъ Николай Николаевъ Осиповъ продалъ княгинѣ Варварѣ Петровой Щетининой собственное свое имѣніе Тамбовской губерніи Козловскаго уѣзда: а) доставшееся ему по наслѣдству отъ отца

Николая Михайлова Осипова, село Красниково въ которомъ, за надѣломъ крестьянъ, земли 347 десятинъ, съ господскимъ домомъ, флигелемъ, службами и садомъ и б) дошедшею ему отъ жены ротмистра Авдотьи Николаевой Губиной по купчей 30 сентября 1854 года деревню Отрадную, въ которой земли 348 десятинъ. Продажу эту Осиповъ совершилъ со всѣми землями, лѣсными водами и всякаго рода угодьями, мѣрою всей земли удобной и неудобной 933 десятины и съ правомъ пользованія за крестьянскій въ этомъ имѣніи надѣлъ. Въ имѣніи — селѣ Красниковѣ водворено 129 душъ, а взялъ онъ Осиповъ съ княгини Щетининой, за каждую десятину земли, оставшуюся за надѣломъ, по 60 р. а находящуюся подъ надѣломъ по 40 р., а за все это имѣніе денегъ серебромъ 51,220 р., со включеніемъ въ то число и долга Московской сохранной казнѣ 15,976 р. 25 коп., пошлину за бумагу заплатить княгинѣ Щетининой. 24 мая 1868 г. губернскій секретарь Митрофанъ Николаевъ Григоровъ подалъ въ бывшую Тамбовскую гражданскую палату исковое прошеніе, въ которомъ объяснилъ: что продавецъ Николай Николаевъ Осиповъ, родной братъ его Григорова матери Дарьи Николаевой, урожденной Осиповой, продалъ родовое имѣніе свое княгинѣ Щетининой; то посему онъ, Григоровъ, какъ родной племянникъ продавца, за силою 1246 и 1355 ст. т. X. ч. 1, имѣетъ право на выкупъ того имѣнія и объясняя, что долга на имѣніе сохранной казнѣ 14,363 р. 75 к. и представя вексель Щетининой, дошедшій къ нему на 6,912 р. 35 к., деньгами 7,451 р. 40 к, и двойныя крѣпостныя пошлины 2,427 р. 20 к. просилъ предоставить ему право выкупа. Тамбовская гражданская палата постановленіемъ 7 іюля 1868 г. отказавъ въ удовлетвореніи ходатайства Григорова по совершенной бездоказательности, что мать его, Дарья Осипова, есть родная сестра продавца, Николая Осипова, возвратила ему прошеніе съ надписью, а также и деньги. Но правительствующій сенатъ, указомъ 27 октября 1869 г. за № 3,187 предписалъ палатѣ произвести по исковому прошенію Григорова дѣло установленнымъ въ законѣ порядкомъ: если не встрѣтится къ тому законныхъ препятствій. Изъ указа правительствующаго сената за № 3,187 видно, что Григоровъ представлялъ въ бывшую Тамбовскую палату поколѣнную роспись рода Осиповыхъ, въ которой Дарьи Николаевой незначится. Въ прошеніи же въ Тамбовскую палату, отъ 5 іюня 1868 г., Григоровъ объяснилъ, что всѣ розы-

скп о мѣстѣ рожденія и крещенія его матери, оказались напрасными, а найдено только, что она значится при отцѣ по исповѣднымъ книгамъ, хранящимся въ Рязанской и Тамбовской консисторіяхъ. При дѣлѣ имѣются слѣдующія докатательства, представленныя сторонами: 1-е подлинное завѣщаніе Николая Михайлова Осипова, засвидѣтельствованнаго Тамбовскою гражданскою палатою 13 февраля 1831 года, изъ коего видно, что онъ благопріобрѣтенное свое имѣніе завѣщалъ въ пожизненое владѣніе женѣ своей Федосьи Архиповой, а по смерти ея дѣтямъ своимъ съ нею прижитымъ Николаю, Дарьѣ и Авдотьѣ, по равнымъ частямъ. Изъ сего завѣщанія видно, что у завѣщателя было при селѣ Красниковѣ 636 дес. 2) Свидѣтельство Тамбовской духовной консисторіи, отъ 24 мая 1868 года № 6,261, изъ коего видно, что 4 февраля 1835 года помѣщикъ корнетъ Николай Александровъ Григоровъ повѣнчался съ дѣвицею Дарьею Николаевою, дочерью помѣщицы Козловскаго уѣзда, села Стаева Федосьи Архиповой Осиповой. 3) Свѣдѣніе священнослужителей села Стаева отъ 14 мая 1868 г. о томъ, что прихода ихъ помѣщика Николая Михайлова Осипова и законной жены его Федосьи Архиповой дочь дѣвица Дарья Николаева по приходнымъ метрическимъ книгамъ значится повѣнчанною съ помѣщикомъ Николаемъ Александровымъ Григоровымъ 1835 г. февраля 4 дня. 4) Свидѣтельство священнослужителей села Ястребова Колодезя, отъ 10 мая 1868 г., о томъ, что прихода ихъ у помѣщика корнета Николая Александрова Григорова жена Дарья Николаева умерла 3 апрѣля 1841 года и о смерти ея въ метрическихъ книгахъ церкви подъ № 10 записано. 5) Свидѣтельство причта села Ястребова Колодезя, отъ 10 мая 1868 года за № 4 о томъ, что изъ копіи метрической книги ихъ церкви за 1839 г. видно, что 14 марта 1839 г. родился у помѣщика Николая Александрова Григорова и законной жены его Дарьи Николаевой сынъ Митрофанъ. 6) Копія прошенія жены корнета Дарьи Николаевой Григоровой урожденной Осиповой на 20 рублевомъ листѣ, поданнаго 17 августа 1836 г. въ Козловскій уѣздный судъ объ уступкѣ слѣдующей ей по завѣщанію отца ея Николая Михайлова Осипова, утвержденному Тамбовскою палатою въ 1836 году, части имѣнія въ количествѣ въ 69 душъ собственность брата ея Николаю Николаеву Осипову. 7) Свѣдѣніе причта села Стаева, отъ 20 декабря 1870 г., изъ коего видно, что бракъ помѣщика губернскаго секретаря Николая

Михайлова Осипова съ вдовою Федосьею Архиповою по первому мужу Фроловою совершенъ 10 Января 1817 г. 8) Свѣдѣніе причта села Стаева отъ 20 декабря 1870 г., что по исповѣднымъ книгамъ, хранящимся въ ризницѣ церкви, дочь помѣщика Николая Михайлова Осипова и законной жены его Федосьи Архиповой Дарья значится въ 1828 г. двѣнадцати лѣтъ. 9) Метрическое свидѣтельство, отъ 12 декабря 1870 г., отъ священника церкви села Турова, что по копіямъ метрическихъ книгъ значится: за 1817 годъ въ декабрѣ 1 числа. который въ томъ году написанъ въ метрикѣ 1 января, помѣщица Федосья Архипова написана по фамиліи Фролова. Въ томъ же 1817 г. въ январѣ мѣсяцѣ помѣщица Федосья Архипова написана по фамиліи Осипова, коллежская ассесорша а за 1818 г. 4 іюля подъ № 22 написана такъ: помѣщика Николая Михайлова Осипова дочь Евдокія, имя жены не написано. 10) Справка изъ Рязанской духовной консисторіи, отъ 22 декабря 1870 г. за № 12.085, изъ коей видно, что метрическихъ книгъ Рязанскаго уѣзда села Турова за 1816 годъ въ Архивѣ не имѣется, а по метрикамъ за 1817 и 1818 гг. дочери помѣщицы Федосьи Архиповой, по первому мужу Фроловой, а по второму Осиповой, Дарьи въ числѣ рожденныхъ неоказалось; б) по исповѣднымъ росписямъ за 1816 годъ по № 14 значится: вдова Федосья Архипова Фролова. у ней дѣти: Анна 20 лѣтъ, Александра 17, Екатерина 15, Николай 14, Наталья 12, Татьяна Петръ 11, Афонасій 8, Никифоровы. За 1817 г, помѣщица Федосья Архипова Осипова 36 л. у ней дѣти; Анна 17, Екатерина 16, Наталья 13, Петръ 12, Татьяна 9, Афонасій 8 л. Егоровы, дѣти Фроловы. За 1818 годъ помѣщикъ Николай Михайловъ Осиповъ 38 л. жена его Федосья Архипова 34 л. дѣти: Анна 19, л. Екатерина 18, Наталья 13, Татьяна 9, Петръ и Афанасій 6 л. Егорова дѣти Фроловы и и Дарья 2 лѣтъ, и Евдокія полугода, дѣти Осиповы. Увѣдомленіе Московской сохранной казны, отъ 14 октября 1871 г., о томъ, что на селѣ Красниковѣ по 1-е декабря 1871 г. числится долга 13,419 р. 25 к. 12) Метрическое свидѣтельство за № 10,528 о рожденіи Митрофана Григорова отъ корнета Николая Александрова Григорова и законной жены его Дарьи Николаевой. 14 марта 1839 г. 13) Свидѣтельство Рязанской духовной консисторіи, отъ 31 декабря 1871 г. за № 11,658, выданное по ходатайству коллежскаго регистратора Николая Николаева Осипова о времени рожденія и крещенія родной сестры

его Дарьи, коимъ на основаніи метрическихъ записей: а) брака родителей Дарьи, совершеннаго 10 января 1817 г.; б) брака самой Дарьи, совершеннаго 14 февраля 1835 г.; в) Исповѣдныхъ записей за 1818 и 1820 съ 1828 и 1834 гг. въ которыхъ Дарья показана дочерью Николая Михайлова Осипова и жены его Федосьи Архиповой; г) показанія воспріемницы Дарьи г-жи Хвощинской, кормилицы Васильевой, няни Кирилловой и знающихъ и помнящихъ законность рожденія, крестьянъ Лаврентьева Прокофьева и Харлампіева, духовная консисторія, съ утвержденія Рязанскаго архіепископа, признаетъ Дарью рожденной отъ дворянина губернскаго секретаря Николая Михайлова Осипова и жены его Федосьи Михайловой въ 1817 г., въ приходѣ села Турова Рязанскаго уѣзда и событіе сіе положила внесть въ метрику церкви села Турова за 1817 годъ. Повѣренный княгини Щетининой, при производствѣ дѣла въ бывшей Тамбовской палатѣ опровергалъ право Григорова на выкупъ села Красникова тѣмъ, а) что Красниково продано совмѣстно съ Отрадною, которое есть также родовое имущество; б) что какъ Красниково такъ и Отрадная заложены послѣ покупки въ суммѣ 60,000 руб. по закладной 7 іюня 1868 года; в) что не представлено доказательствъ о законности рожденія Дарьи Григоровой отъ Николая Михайлова Осипова и г) что Григоровъ не представилъ, въ теченіи болѣе трехъ лѣтъ со дня совершенія купчей, денегъ на выкупъ и тѣмъ нарушилъ 1363 ст. 1 ч, Х т, 29 ноября 1871 г. Григоровъ представилъ на выкупъ 19,476 р, 29 к. и удостовѣреніе Московской сохранной казны о недоимкѣ по 1-е декабря 1871 года въ 13,419 р. 25 к. Тамбовскій окружной судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что какъ Григоровымъ не было представлено въ окружной судъ засвидѣтельствованной копіи съ купчей, то посему и нельзя сдѣлать заключеніе какое имѣніе продано, на какихъ условіяхъ и какая сумма подлежитъ взносу за выкупъ, тѣмъ болѣе, что по сему предмету заявленъ споръ со стороны княгини Щетининой и по отношенію къ этому спору окружный судъ не можетъ не признать вполнѣ уважительнымъ возраженія княгини Щетининой, что разрушеніе акта купчей крѣпости, вслѣдствіе признанія судомъ; за родственниками продавца права выкупа, можетъ по закону (ст. 802, 1368, 1465 и 1545 т. Х. ч. 1), послѣдовать лишь въ отношеніи всего, вошедшую въ купчую крѣпость имѣнія, а ни какой-либо части онаго, такъ какъ иначе допущеніемъ отчужденія отъ покупщи-

ка части имѣнія для продавца и покупщика имѣнія уничтожалось бы законное по 802 и 1536 ст. X т. ч. 1 основаніе признавать въ силѣ актъ купчей, по отношенію къ остальной невыкупаемой части имѣнія и подобное признаніе судомъ права выкупа независимо отъ того, что оно не истекало бы изъ закона о выкупѣ (ст. 1368 т. X. ч. 1), противорѣчило бы законамъ о порядкѣ уничтоженія купчихъ крѣпостей въ цѣломъ составѣ (ст. 1526, 803 и 826 т. X. ч. 1, а также 162, 407, 418, 429, 431, уст. о пошл.) на семъ основаніи окружной судъ, рѣшеніемъ 7 января 1872 года опредѣлилъ въ искѣ Григорова къ княгинѣ Щетининой отказать, взыскавъ съ Григорова дополнительную судебную пошлину 151 р. 75 к. и возложивъ на Григорова уплату судебныхъ издержекъ, и вознагражденіе за веденіе дѣла въ 897 р. 86 к. На это рѣшеніе повѣренный Григорова присяжный повѣренный Барковъ принесъ апелляціонную жалобу при коей, прилагая копію купчей крѣпости 21 мая 1868 года, объяснилъ, что по означенной купчей проданы два имѣнія: село Красниково и деревня Отрада и что Красниково не есть часть одного имѣнія, а самостоятельное цѣлое, что въ купчей означены всѣ основанія для опредѣленія цѣны выкупа; почему представляя еще два свидѣтельства о смерти Дарьи Григоровой и рожденіи Николая Осипова проситъ палату рѣшеніе окружнаго суда отмѣнить, признать за Григоровымъ право выкупа села Красникова и взыскать съ Щетининой 1725 р. судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ. Представленныя Барковымъ свидѣтельства слѣдующія: 1) свидѣтельство Орловской духовной консисторіи, отъ 26 апрѣля 1872 г., что помѣщика корнета Николая Александрова Григорова жена Дарья Николаева 25 л. умерла отъ родовъ, 3 апрѣля 1811 г. и 2) свидѣтельство Казанской духовной консисторіи, отъ 6 апрѣля 1872 г., что помѣщика Николая Михайлова Осипова сынъ Николай рожденъ 17 декабря 1820 г. Въ объясненіи на апелляціонную жалобу, повѣренный княгини Щетининой, присяжный повѣренный Фальковскій изложилъ: 1) что Осиповъ продалъ Щетининой недвижимое населенное имѣніе село Красниково и деревню Отраду, въ количествѣ 933 дес., за 51,220 р. 2) что 24 мая 1868 г., Григоровъ представилъ на выкупъ села Красникова вексель въ 6,912 р. 95 к. наличными 7,451 р. 40 к., двойныя крѣпостныя пошлины съ 30,340 р. и просилъ зачесть долгъ сохранной казны 15,976 р. 25 к., но деньги эти возвращены ему, 5 августа 1868 г., бывшею Тамбов-

скою палатою, съ отказомъ въ ходатайствѣ о выкупѣ. По возстановленіи же дѣла правительствующимъ сенатомъ Григоровъ представилъ деньги уже по истеченіи, установленнаго на выкупъ, срока (ст. 1363 X т. ч. 1) чрезъ что и утратилъ самое право. По купчей продана не земля одна, а недвижимое населенное имѣніе съ господскимъ домомъ, флигелемъ строеніями и проч. цѣна означена *за все то* имѣніе т. е. село Красниково и деревню Отраду съ принадлежностями 51,220 р., деревня Отрада, какъ видно, изъ купчей крѣпости 30 сентября 1854 г., пріобрѣтена была Губиною по наслѣдству отъ ея отца и перешла къ родному ея брату Николаю Николаеву Осипову и слѣдовательно у сего послѣдняго было родовымъ (2 и 3 п. 397 ст. т. X. 1 ч.); село Красниково и деревня Отрада проданы по купчей, 21 мая 1868 г., *все*, за 51,220 р., со включеніемъ въ то число и долга Московской сохранной казны 15,976 р. 25 к. Цѣна же выкупа, по закону, опредѣляется цѣною проданнаго имѣнія (1 п. 1367 ст. X т. 1 ч.) а не какой-либо части онаго. По уст. гр. суд. (ст. 1439), при просьбѣ о выкупѣ представляются: копія купчей крѣпости и сумма продажи въ ней означенная, каковая въ данномъ случаѣ не 30,340 р. а 51,220 р. Григоровъ, получилъ обратно представленные имъ первоначально деньги и вексель, внесъ, уже послѣ срока, сумму стоимости, по его мнѣнію, села Красникова. Но во 1-хъ взятіемъ обратно представленныхъ имъ денегъ и векселя выразилось отреченіе отъ права на выкупъ, во 2-хъ по закону (т. X ч. 1. ст. 1367 и уст. гр. суд. ст. 1339 и 1340 и объясненія на оныя въ изд. госуд. канц.) требуется представленіе цѣны выкупа при подачѣ просьбы о томъ; притомъ же Григорьевъ обязанъ былъ представить цѣну выкупа не одного села Красникова, но и деревни Отрады, вошедшей въ составъ проданнаго недвижимаго родоваго населеннаго имѣнія. Опредѣсеніе же цѣны г. Григоровымъ, на основаніи показанной оцѣнки десятинъ, не можетъ быть допущено уже и потому, что не одна земля составляла предметъ отчужденія и что въ купчей далѣе выражено: *за все то имѣніе* 51,220 р. и т. д. и наконецъ, потому что эта послѣдняя цифра и составляетъ цѣну проданнаго имѣнія. Относительно силы и значенія представленныхъ Григорьевымъ доказательствъ о родствѣ, оказывается что и представленнымъ свидѣтельствомъ Рязанской духовной консисторіи удостовѣряется только событіе рожденія Дарьи Николаевой Осиповой, на основаніи исповѣд-

ныхъ книгъ. На основаніи вышеизложеннаго Фальковскій проситъ судебную палату утвердить рѣшеніе Тамбовскаго окружнаго суда и возложить судебныя издержки и за веденіе дѣла во второй инстанціи на Григорова. Изъ приложенной копіи купчей крѣпости, 30 сентября 1854 г. видно: что жена ротмистра Авдотья Николаева Губина продала родному брату своему Николаю Николаеву Осипову крѣпостное свое движимое и недвижимое имѣніе, доставшееся ей по наслѣдству отъ отца ея губернскаго секретаря Николая Михайлова Осипова и матери Федосьи Архиповой Осиповой и по раздѣлу съ означеннымъ братомъ ея Николаемъ, состоящее Козловскаго уѣзда въ деревнѣ Отрадѣ въ 20 душахъ мужескаго пола, съ господскимъ домомъ и всѣмъ строеніемъ и землею, въ количествѣ 348 дес. за 17,142 р. 86 к. По выслушаніи словесныхъ объясненій повѣренныхъ сторонъ, и по соображеніи апелляціонной жалобы съ обстоятельствами дѣла и законами, судебная палата находитъ: что какъ на основаніи прежняго судопроизводства (п. 4 ст. 267 т. X. ч. 2) такъ и нынѣ дѣйствующаго устава (ст. 353 и 257 уст. гр. суд.) истецъ при начатіи иска, обязанъ представить доказательства своего иска. *Въ дѣлахъ о выкупѣ родовыхъ имуществъ*, доказательства эти должны состоять: а) въ доказательствѣ права на выкупъ, т. е, въ доказательство законнаго родства съ продавцомъ (ст. 1346 и 1355 т. X. ч. 1); б) въ доказательство предмета выкупа, т. е. въ представленіи купчей крѣпости—какъ удостовѣренія какое родовое имущество продано и по какой цѣнѣ (ст. 1366 т. X, ч. 1 и 1439 уст. гр. суд; в) въ доказательствѣ средствъ на выкупъ т. е. въ представленіи суммы продажи и двойныхъ пошлинъ (ст. 1367 т. X. ч. 1 и 1439 уст. гр. суд.) для представленія покупщику гарантіи, что вслучаѣ отчужденія отъ него судомъ купленнаго имущества, онъ немедленно получитъ вѣрное и полное возмѣщеніе своихъ расходовъ по покупкѣ (ст. 1370 т. X. ч. 1). Всѣ эти доказательства, безъ коихъ невозможно самое производство о выкупѣ (ст. 1440 уст. гр. суд.) должны быть представлены *въ трехъ годичный срокъ*, со дня совершенія купчей (ст. 1363 т. X. ч. 1) и кромѣ заграничнаго похода никакія обстоятельства не даютъ права на продленіе этого срока (ст. 1365 и 1366 т. X. ч. 1); такъ какъ законъ, допуская право выкупа, какъ ограниченіе права собственности по законно совершенному крѣпостному акту (ст. 700 т. К. ч. 1), призналъ необходимымъ чтобы ограниченіе этого не

продолжалось далѣе трехъ-годичнаго срока, ибо въ теченіи этого періода времени представляется полная возможность собрать, и представить полныя законныя доказательства права на выкупъ и выкупной суммы. Посему въ разъясненіи государственной канцеляріи на 1440 ст. уст. гр. суд., прямо сказано, *что ослабленіе въ такомъ случаѣ выкупающему имѣніе, могло способствовать подачѣ затѣйливыхъ прошеній о выкупѣ, единственнаго съ цѣлью ввести купившаго въ напрасные хлопоты и безпокойство.* Изъ дѣла же о выкупѣ Митрофаномъ Григоровымъ родоваго имѣнія, купленнаго княгинею Щетининой у Николая Осипова, видно: 1) въ отношеніи права на выкупъ, Осиповъ продалъ свое родовое имѣніе княгинѣ Щетининой по купчей крѣпости, совершенной 21 мая 1858 г.; *а черезъ три дня именно 24 мая,* Митрофанъ Григоровъ подалъ уже прошеніе о выкупѣ этого имѣнія. Право на выкупъ Григоровъ основалъ на томъ, что онъ сынъ Дарьи Николаевой Григоровой, урожденной Осиповой, родной сестры Николая Николаева Осипова, продавца имѣнія. Въ доказательство этого родства Григоровъ представилъ: а) поколѣнную роспись рода Осиповыхъ, но въ этой росписи Дарьи Николаевой вовсе незначилось и б) свидѣтельства о бракосочетаніи и смерти своей матери, а также о своемъ рожденіи, но этими свидѣтельствами не утверждалось, что Дарья Николаева родная сестра Николая Николаева Осипова. Наконецъ, прошеніемъ 5-го іюля 1868 г., Григоровъ прямо заявилъ бывшей Тамбовской палатѣ, что розыски его о мѣстѣ рожденія и крещенія его матери оказались напрасными. Въ виду такого заявленія, бывшая Тамбовская палата, находя, что ходатайство, Григорова о выкупѣ лишено самаго существеннаго элемента, а именно доказательствъ, права на такое ходатайство возвратила ему прошеніе съ надписью. Затѣмъ, по возобновленіи дѣла, до истеченія узаконеннаго трехъ-лѣтняго срока т. е. съ 21-го мая 1871 года, Григоровъ, предстевилъ доказательство не положительнаго, но отрицательнаго свойства, такъ: а) по свидѣтельству причта; отъ 20 декабря 1870 г. бракосочетаніе Николая Михайлова Осипова съ вдовою Федосьею Архиповою Фроловою совершено 10 января 1817 г. (ст. 85), б) по свидѣтельству духовной консисторіи отъ 22 декабря 1870 г. за № 12,085 дочери Николая Михайлова Осипова и жены его Федосьи Архиповой Дарьи, по исповѣднымъ росписямъ за 1818 г. значится 2 года (л. 88); в) по сви-

дѣтельству причта, отъ 20 декабря 1870 г., Дарьи Николаевой Осиповой, по исповѣднымъ книгамъ за 1828 г. значится 12 лѣтъ (л. 86) и наконецъ г) по свидѣтельству причта Дарья Николаева Осипова по мужу Григорьева, умерла 3 апрѣля 1841 года 25 лѣтъ (л. 48 и д.). На основаніи 3 п. 1439 ст. уст. гр. суд, разсмотрѣнію суда подлежатъ только тѣ документы, которые представлены въ трехъ-годичный срокъ, установленный для представленія доказательствъ, удостовѣряющихъ право на выкупъ. Изъ этихъ документовъ невидно, что Дарьѣ Николаевой Осиповой, по мужѣ Григоровой, въ поколѣнной росписи рода Осиповыхъ не значится и что если бракъ родителей Дарьи Осиповой совершенъ 10 января 1817 года, то Дарья Осипова не могла имѣть въ 1818 году, *двухъ лѣтъ*, въ 1828 году *12 лѣтъ* и въ *1841 г 25 лѣтъ*. По сему слѣдуетъ признать, что Митрофанъ Григоровъ не представилъ въ трехъ-годичный срокъ ясныхъ доказательствъ о родствѣ матери своей Дарьи Николаевой съ продавцемъ Николаемъ Николаевымъ Осиповымъ. Что же касается свидѣтельства Рязанской духовной консисторіи, отъ 31 декабря 1871 г. за № 11658, коимъ удостовѣряется, что на основаніи вышеприведенныхъ исповѣдныхъ росписей и дознанія, предписано причту села Турова внести событіе рожденія Дарьи Николаевой Осиповой въ метрику за 1817 г. церкви села Турова, то свидѣтельство это представлено въ судъ только 4 Января 1872 г., а потому и получено и представлено значительно позже трехъ-годичнаго срока на предстсвленіе доказательствъ права на выкупъ (п. 3. ст. 1439 уст. гр. суд.). А какъ съ одной стороны ничто не препятствовало Григорову получить и представить это свидѣтельство *въ теченіи трехъ лѣтъ*, съ подачи имъ нрошенія о выкупѣ, тѣмъ болѣе въ виду указанія, бывшей Тамбовской палаты о необходимости представленія доказательствъ о родствѣ (ст. 1440 уст. гр. суд)., а съ другой стороны допустить пріемъ доказательствъ, въ нарушеніе 3 п. 1439 ст. уст. гр. суд., *по истеченіи трехъ-годичнаго срока*, значитъ распространить ограниченіе права собственности покупки, сверхъ трехъ-годичнаго срока, въ нарушеніи 1363 ст. т. X. ч. 1, на неопредѣленное время, по усмотрѣнію и произволу лица, *бездоказательно заявившаго о выкупѣ*, а потому судебная палата и не можетъ принять означеннаго свидѣтельства за № 11658, въ основаніе своего рѣшенія. 2) Въ отношеніи предмета выкупа выкупать можно только *родовое имѣніе* отчужден-

ное чужеродцу. По этому необходимо при заявленіи о выкупѣ представить доказательство, что имѣніе дѣйствительно продано и что проданное имѣніе *есть родовое* (ст. 1363, т. X. ч. 1 и 1 п. ст. 1439 уст. гр. суд.) т, е., необходимо представить копію купчей, между тѣмъ Григоровъ, съ подачи прошенія о выкупѣ и достиженія трехъ-годичнаго срока на выкупъ, 21 мая 1871 г. не представилъ ни купчей, ни другихъ доказательствъ, о дѣйствительности отчужденія родоваго имѣнія несмотря на указанія бывшей Тамбовской палаты на представленіе доказательствъ. По сему Григоровъ пропустилъ узаконенный срокъ на представленіе этихъ доказательствъ, какъ то правильно признано уже рѣшеніемъ Тамбовскаго окружнаго суда 7 января 1872 г. За симъ предсгавленіе Григоровымъ копіи купчей крѣпости, въ судебную палату 17 мая 1872 г. не даетъ палатѣ права на возстановленіе пропущеннаго Григоровымъ трехъ-годичнаго срока. Чте же касается возбужденнаго при производствѣ по сему дѣлу вопроса о томъ, *можно ли выкупать часть означеннаго въ купчей имѣнія*, то въ виду 1359 и 1390 ст. т. X. ч. 1, а также въ виду признанія судебною палатою, что Григоровъ не исполнилъ законныхъ требоваій для выкупа въ трехъ-годичный срокъ, вопросъ этотъ въ настоящее время не требуетъ особаго разсмотрѣнія судебной палаты и 2) въ отношеніи цѣны выкупа, на основаніи 1367 ст. т. X. ч. 1 и 1 п. 1439 ст. уст. гр. суд. выкупная сумма должна быть представлена, при самомъ прошеніи о выкупѣ. Григоровъ при прошеніи 24-го мая 1868 года представилъ наличными деньгами только 7452 рублей 40 коп. а остальные векселемъ на 6,912 руб. 35 коп. и переводомъ на себя долга сохранной казнѣ въ 15,976 руб. 25 коп. Вексельныя обязательства, не составляютъ ходячей монеты и могутъ быть приняты въ счетъ покупной суммы, *не иначе какъ съ согласія продавца*, по сему представленіе векселя для обращенія въ счетъ выкупной суммы, *безъ согласія на то другой стороны*, не можетъ быть признано согласнымъ съ вышеприведенными статьями закона, тѣмъ болѣе, что такою уплатою выкупной суммы положительно нарушается 1370 т. X. ст. ч. 1, *такъ какъ векселя не могутъ быть обращены для приращенія процентами*, притомъ же вексель, какъ и всякое долговое обязательство, подчиненъ срокамъ и требуетъ своевременно соблюденія узаконенныхъ формальностей (напр. протеста) для охраненія правъ вексельнаго взысканія и даже можетъ быть признанъ при взысканіи

документомъ, не имѣющимъ вексельнаго значенія. По сему представленіе векселя не можетъ быть признано взносомъ выкупной суммы. Внесенная въ вышеозначенномъ видѣ выкупная сумма, 4 августа 1868 года, обратно получена Григоровымъ и затѣмъ, до истеченія трехъ-годичнаго срока, Григоровъ не представлялъ уже выкупной суммы. Почему судъ неимѣлъ узаконеннаго обеспеченія, что въ случаѣ разрѣшенія выкупа, княгиня Щетинина получитъ удовлетвореніе, неимѣлъ права къ производству дѣла по ходатайству Григорова и за истеченіемъ трехъ-годичнаго срока долженъ былъ дѣлопроизводство прекратить. Что же касается взноса Шиловскимъ, 29 ноября 1871 года 19,476 р. 29 к., то взносъ сихъ денегъ сдѣланъ по истеченіи узаконеннаго трехъ-годичнаго срока и потому не можетъ служить ни основаніемъ къ производству дѣла о выкупѣ, ни поводомъ къ обсужденію въ достаточномъ ли количествѣ внесена эта сумма. На основаніи вышеизложеннаго, признавая, что Григоровъ въ теченіи узаконеннаго трехъ-годичнаго срока, не представилъ ни доказательствъ на право выкупа, ни удостовѣренія о выкупаемомъ имѣніи, ни самой выкупной суммы, а потому ходатайство его о разрѣшеніи его дѣла, на основаніи данныхъ заявленныхъ имъ по истеченіи трехъ-годичнаго срока, какъ сопряженное съ возстановленіемъ пропущеннаго имъ срока, не заслуживаетъ уваженія, судебная палата, согласно 774 711 и 868 ст. уст. гр. суд. *опредѣляетъ*: рѣшеніе Тамбовскаго окружнаго суда, 7 января 1872 года, состоявшееся оставить въ силѣ; судебныя и за веденіе дѣла издержки апелляціоннаго производства возложить опять на Григорова съ соблюденіемъ 398 ст. учр. суд. уст.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

«Новое Время» слышало, что существуетъ предположеніе подчинить дѣятельность частныхъ повѣренныхъ контролю совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, которому эти послѣдніе будутъ обязаны представлять ежемѣсячные отчеты о движеніи принятыхъ ими на себя дѣлъ. Передавая это извѣстіе, газета сообщаетъ его, впрочемъ, какъ слухъ, распространенный въ нашихъ юридическихъ кружкахъ, не ручаясь за его достовѣрность.

—

Въ «Русск. Вѣд.» пишутъ изъ Серпухова, что тамъ идутъ теперь весьма оживленные разговоры по поводу внезапнаго посѣщенія, 25 февраля, Владычняго монастыря прокуроромъ московскаго окружнаго суда К. Н. Жуковымъ, вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ Спасскимъ. Посѣщеніе это, какъ носятся слухи, имѣетъ близкую связь съ дѣломъ о подложномъ векселѣ въ 14 тыс. на Петербургскаго купца Лебедева. Очень естественно, что оффиціальное появленіе членовъ прокурорскаго надзора въ стѣнахъ тихой обители смиренныхъ инокинь и слухъ о допросѣ ихъ игуменьи, произвели немалое смущеніе въ умахъ серпуховскихъ жителей и дали новую и обильную пищу для разнаго рода предположеній.

—

«Голосу» передавали, что при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждена, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта этого министерства, тайнаго совѣтника Деспотъ-Зеновича, комиссія для выработки проекта новаго административнаго раздѣленія Азі-

атской Россіи. Въ комиссіи этой, сверхъ г. Зеновича, бывшаго нѣкогда кяхтинскимъ пограничнымъ комисаромъ, а потомъ тобольскимъ губернаторомъ, по слухамъ, примутъ участіе: отъ министерства внутреннихъ дѣлъ г. Карповъ, бывшій членъ совѣта главнаго управленія Восточной Сибири; отъ морскаго вѣдомства бывшій губернаторъ приморской области — адмиралъ Фуругельмъ, и отъ военнаго, бывшій начальникъ штаба въ Иркутскѣ, генералъ Черкесовъ, и служившій въ разныхъ частяхъ Азіатской Россіи полковникъ Венюковъ.

—

— Въ «Судебномъ Вѣстникѣ» пишутъ, что въ строгожскомъ судебномъ округѣ одно печальное событіе смѣняется другимъ. Едва стало извѣстно о побѣгѣ судебнаго пристава Бирюченскаго уѣзда, захватившаго съ собою около 12,000 р., ввѣренныхъ ему по службѣ, и о томъ, что у того же пристава, командированный для ревизіи членъ суда нашелъ денежныя книги за 2-е полугодіе 1872 года совершенно чистыми—какъ ночью съ 11 на 12 число февраля мѣсяца въ Острогожскомъ тюремномъ замкѣ произошелъ безпорядокъ, окончившійся тѣмъ, что одинъ весьма важный арестантъ, деньщикъ Осипъ Ѳедоровъ, обвинявшійся въ убійствѣ поручика Шегарина (казачьяго стрѣлковаго баталіона), найденъ въ секретной камерѣ убитымъ. Произошло это, какъ говорятъ, такимъ образомъ: послѣдственные арестанты, напившись изрядно, потребовали, чтобы смотритель тюрьмы, снисходя къ ихъ веселому настроенію, отперъ женскую камеру. Смотритель отказался исполнить это наивное требованіе и пригрозилъ разгулявшимся арестантамъ; но послѣдніе нимало не смирились и отвѣтили ему насиліемъ. Произошла схватка, причемъ смотритель нѣсколько разъ пытался выстрѣлить изъ имѣвшагося у него револьвера, но ни одного выстрѣла не послѣдовало и арестантамъ удалось завладѣть оружіемъ. Затѣмъ преслѣдуемый арестантами, смотритель, какими-то судьбами, выскочилъ изъ замка и крикнулъ часовому: «стрѣляй»! Раздался выстрѣлъ, на который явился весь караулъ, и по распоряженію того же смотрителя сдѣлано было еще два выстрѣла; арестанты отступили и въ замкѣ поднялся неистовый крикъ и стукъ— двери, окна, печи, нары, рѣшетки.... все съ трескомъ ломалось и падало. Наконецъ, по распоряженію мѣстнаго начальства, прибыли военныя и пожарныя команды.... Замокъ окружили и

предложена арестантамъ сдача, но они объ этомъ и не помышляли, а продолжали бушевать. Нѣсколько разъ дѣлались попытки проникнуть въ замокъ, но все было тщетно: арестанты устроили свой караулъ и бдительно наблюдали за малѣйшимъ движеніемъ осаждавшихъ, угрожая положить на мѣстѣ перваго, кто осмѣлится войти въ замокъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ неистоваго крика и шума - все утихло; «надо полагать, началось похищеніе сабинянокъ», смекали догадливые. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Нагулявшись вдоволь, арестанты порѣшили сдаться и въ шесть часовъ утра вышли изъ замка, причемъ объявили, что произведенными выстрѣлами убитъ въ секретной камерѣ деньщикъ Осипъ Ѳедоровъ. По вскрытіи трупа Ѳедорова оказалось, что ружейная пуля попала ему чрезъ окно, въ грудь, и остановилась въ позвоночномъ столбѣ. Въ настоящее время, разумѣется, порядокъ въ замкѣ водворенъ и начато слѣдствіе.

—

По словамъ одной изъ Петербургскихъ газетъ, въ непродолжительномъ времени, въ судебной палатѣ будетъ слушаться весьма интересное дѣло о предсѣдателѣ и членахъ Боровичской земской управы, обвиняемыхъ въ растратѣ общественныхъ суммъ. Защитникомъ будетъ присяжный повѣренный Языковъ 1-й.

—

— «Новости» передаютъ, что въ нѣкоторыхъ кружкахъ много говорятъ о возникающемъ милліонномъ процессѣ о рыбныхъ ловляхъ на Каспійскомъ морѣ, отданныхъ въ аренду, еще въ 1824 году, двумъ индѣйскимъ браминамъ. Въ 1827 году, эти рыбные промыслы, не по винѣ арендаторовъ, были уничтожены. На основаніи заключеннаго ими контракта, они имѣли право требовать понесенные ими убытки, простиравшіеся до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей. Дѣло тянулось. Брамины скончались въ Петербургѣ въ страшной нищетѣ. Въ настоящее время дѣло это снова всплываетъ наружу. Явились претенденты на этотъ капиталъ, въ числѣ которыхъ, какъ передавали «Новому Врем.» находится А. А. Граневъ, и сумма съ процентами и рекамбіями возрасла до милліонной цифры.

—

— «Петерб. Вѣд.» слышали, что состоявшая при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коммиссія для преобразованія губернскаго управленія прекратила своя занятія, и до времени вопросъ этотъ остается въ прежнемъ положеніи. Измѣненію подлежатъ

единственно штаты уѣздныхъ полицейскихъ управленій, новый проектъ которыхъ будетъ представленъ на дняхъ на обсужденіе одного изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій.

—

Примѣръ Поливановскаго (въ Керенскомъ уѣздѣ) сельскаго общества, постановившаго приговоръ относительно мѣръ противъ чрезмѣрнаго употребленія крестьянами крѣпкихъ напитковъ, нашелъ себѣ, пишутъ въ «Пензенск. Губ. Вѣд.», подражаніе въ томъ же уѣздѣ и въ одномъ и томъ же участкѣ мироваго посредника Федорова. Крестьяне села Малой Ижморы 15 февраля постановили приговоръ, дозволяющій покупать вино только на домъ и подвергающій нарушителей приговора наказанію, по рѣшенію волостнаго суда, въ первый разъ—арестомъ на двое сутокъ, во второй—на шесть, и въ третій взысканіемъ штрафа въ три рубля въ пользу мірскаго капитала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ уменьшенія употребленія крѣпкихъ напитковъ, сходъ постановилъ открыть въ селѣ двѣ чайныя лавочки (или и больше, если найдутся желающіе содержать ихъ), съ тѣмъ условіемъ, чтобы обѣ помѣщались отдѣльно отъ питейныхъ заведеній и чтобы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не допускалось не только употребленіе, но даже и храненіе вина.

Въ томъ же уѣздѣ составлены такіе же приговоры сельскими сходами села Знаменскаго, деревни Самарихи, села Вязамки, села Ушинки, сельца Сноховки, села Васильевки, села Кашаевки, сельца Ошанки, села Сосновки, села Архангельскаго и сельца Калиновки. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ открываются, также какъ и въ Ижморѣ, чайныя лавочки.

—

«Голосъ» передаетъ слухъ, что въ случаѣ, если генералъ Коцебу, по разстроенному здоровью, не возвратится въ Одессу, Новороссійское генералъ-губернаторское управленіе, какъ совершенно лишняя административная инстанція, будетъ немедленно упразднено. Изъ четырехъ губерній, нынѣ образующихъ это генералъ-губернаторство, предполагается образовать шесть, причемъ центрами двухъ новыхъ будутъ Одесса и Таганрогъ. Къ Одесской губерніи отойдетъ южная часть Подольской, къ Херсонской южная Кіевской; губерніи Екатеринославская и Таврическая будутъ передѣлены по новому, съ принятіемъ въ соображеніе экономическихъ нуждъ края и значенія существующихъ въ немъ городовъ.

— Въ «Моск. Вѣд.» сообщаютъ, что въ поступившемъ на разсмотрѣніе министерства юстиціи представленіи Оренбургскаго генералъ-губернатора о введеніи въ Оренбургскомъ краѣ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года предположено, какъ слышно, ввести въ томъ краѣ гласное судопроизводство безъ участія присяжныхъ засѣдателей, на томъ основаніи, что въ этомъ краѣ еще нѣтъ правильныхъ городскихъ учрежденій.

—

Въ «Голосъ» пишутъ, что въ виду ожидаемаго введенія судебныхъ учрежденій въ Оренбургѣ, предполагается приспособить для помѣщенія судебной палаты и окружнаго суда зданіе, занимаемое въ настоящее время губернаторомъ и его канцеляріей.

—

— «Новости» сообщаютъ за достовѣрное, что въ настоящее время признано необходимымъ не разрѣшать болѣе открывать новыхъ кассъ ссудъ; кромѣ того, существующія кассы не могутъ быть передаваемы другимъ лицамъ отъ своихъ первоначальныхъ учредителей. Мѣра эта, какъ слышно, вызвана крайнею небрежностью въ обращеніи и храненіи закладчиками вещей, поступающихъ къ нимъ въ залогъ, а также и чрезмѣрно высокими процентами. Но одновременно съ этою мѣрою будетъ разрѣшено открыть нѣсколько новыхъ ломбардовъ.

—

Еще въ маѣ прошлаго года введено было, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, въ восточномъ факультетѣ С.-петербургскаго университета, преподаваніе главнѣйшихъ юридическихъ наукъ для слушателей арабско-персидско турецко-татарскаго разряда. Въ настоящее время факультетъ, по словамъ «Рус. Міра» ходатайствовалъ о введеніи преподаванія ихъ и для слушателей китайско-манчжуро-монгольскаго разряда на тѣхъ же основаніяхъ, имѣя въ виду, что слушатели могли бы примѣнить, по выходѣ изъ университета свои познанія на службѣ по судебной и административной частямъ, въ мѣстностяхъ Сибири, населенныхъ инородцами. Такимъ образомъ, предполагается ввести для студентовъ восточнаго факультета, желающихъ посвятить себя дипломатической службѣ, преподаваніе международнаго права, русскаго государственнаго права и политической экономіи.

—

— Германскій парламентъ отослалъ на разсмотрѣніе коммиссіи проектъ закона о печати, представленный Бернаромъ съ

товарищами, членами собранія. Эта мѣра позволяетъ думать, что парламентъ, торжественнымъ голосованіемъ, будетъ настаивать передъ имперскимъ канцлеромъ въ необходимости перемѣны законовъ для прессы, съ болѣе либеральнымъ направленіемъ.

—

— «Голосъ» передаетъ слѣдующій слухъ: между министрами юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ возбуждена переписка о необходимости дополненія статьи 1,129 уст. угол. суд. въ томъ смыслѣ, чтобы дѣла по нарушенію правилъ о производствѣ торговли и уставовъ казеннаго управленія были изъяты изъ вѣдомства административнаго взысканія и были подсудны мировымъ судебнымъ учрежденіямъ.

—

— Въ «Суд. Вѣстн.» пишутъ, что въ Новогрудкѣ есть содержатель корчмы, еврей Янкель Лейбовичъ Цукербергъ, къ которому обращаются за юридическими совѣтами не только крестьяне, но и городскіе жители. Этотъ Янкель Лейбовичъ всѣхъ своихъ кліентовъ увѣряетъ, что ни у кого нѣтъ такого судебнаго устава, какъ у него, что его судебный уставъ выписанъ изъ Пруссіи и что съ нимъ можно выиграть всякое темное и запутанное дѣло. Оттого у него въ корчмѣ ежедневно собираются крестьяне, пишутся всевозможныя прошенія и даются всякіе юридическіе совѣты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торговля его водкою усилилась.

—

— Города Петербургской губерніи въ настоящее время ждутъ введенія городоваго положенія. Списки избирателей уже составлены и печатаются. За исключеніемъ городовъ Нарвы, Царскаго села и Петергофа, во всѣхъ другихъ городахъ губерніи— нашлось только два разряда избирателей.

—

— По словамъ «Нов.» въ Харьковскомъ окружномъ судѣ вскорѣ будетъ разбираться небезъинтересное дѣло о бывшемъ директорѣ отдѣленія банка въ Харьковѣ и извѣстномъ писателѣ А. И. Пальмѣ, обвиняемомъ въ растратѣ казенныхъ денегъ. «Новое Время» слышало, что защитникомъ А. И. Пальма будетъ присяжный повѣренный В. Д. Спасовичъ.

— 10 февраля, по словамъ «Саратовскаго Справочнаго Листка», въ Саратовскомъ окружномъ судѣ должно было слушаться дѣло объ отставномъ прапорщикѣ Мясоѣдовѣ и мѣщанкѣ Рогозиной, обвиняемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ. Дѣло это представляетъ замѣчательный примѣръ медленности прежняго судопроизводства. Обвиняемые сидятъ уже около восьми лѣтъ по разнымъ тюремнымъ замкамъ.

—

— Въ «Моск. Вѣд.» пишутъ, что учрежденною при министерствѣ юстиціи особою комиссіей для опредѣленія нормы дѣятельности окружныхъ судовъ, т. е. численности личнаго состава, необходимаго для успѣшнаго и аккуратнаго хода занятій и производства дѣлъ, уже выработаны данныя, переданныя нынѣ на предварительное заключеніе нѣкоторыхъ судебныхъ учрежденій.

—

— Въ духовномъ вѣдомствѣ, по свѣдѣніямъ «Русскаго Міра», вырабатывается и въ скоромъ времени будетъ представлено въ государственный совѣтъ новое положеніе о служебныхъ правахъ лицъ, состоящихъ на духовно-учебной службѣ, примѣнительно къ такому же положенію, дѣйствующему по министерству народнаго просвѣщенія въ отношеніи къ лицамъ, состоящимъ на учебной службѣ. Лица, служащія по духовно-учебному вѣдомству, будутъ совершенно сравнены по правамъ на производство въ чинахъ, въ наградахъ, пенсіи и проч. съ соотвѣтственными имъ лицами, служащими при учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, т. е. профессоры духовныхъ академій будутъ приравнены по своему положенію къ профессорамъ университетовъ, учителя семинарій—къ учителямъ гимназій и наконецъ, учители духовныхъ училищъ—къ учителямъ гражданскихъ училищъ.

0000378
Прим

Остальныя книжки Юридическаго Вѣстника за 1872 г. печатаются и выйдутъ въ непродолжительномъ времени.

